

ФАНТАСТИКА

ФЭНТЕЗИ

ПАВЕЛ
ШУМИЛОВ

ОДИНОКИЙ ДРАКОН

Павел Шумилов
Слово о Драконе
(Одинокий Дракон)
Серия «Слово о Драконе», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127394
Одинокий дракон: Центрполиграф; М.; 1999
ISBN 5-227-00299-1*

Аннотация

Откуда взялся дракон, который не может летать, а летает, ощущает себя человеком, ест все подряд и практически бессмертен? Всего-то и надо, что забросить гения от генетики в параллельную Вселенную, дать ему необходимый инструментарий и отвести всего десять лет жизни. И жизнь на Земле, погрязшей в средневековье, взрывается. Церковь терпит поражение за поражением, рыцарские турниры сменяются экспедициями в космос, а один-единственный дракон кладет начало целой расе крылатых мудрецов.

Содержание

Зверюшка повелителей	44
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Павел Шумил

Одинокий дракон

Итак, еще раз: почему я не могу существовать? Во первых, я не вписываюсь в законы физики и биологии. При массе 5 тонн и размахе крыльев 10 метров я не должен летать. А я летаю. Ладно, пусть я могу летать (а что же я сейчас делаю?), но я должен летать на скорости не меньше 400 км в час. У меня посадочная скорость должна быть километров 300, как у реактивного истребителя, а я могу висеть на месте как вертолет. И откуда я знаю о реактивных истребителях? В этом мире их нет. И еще долго не будет. Опять отвлекаюсь. Надо по порядку. Информация – это в третьих. Биология – во-вторых. А физика – в первых. Вот там, прямо по курсу, физическое явление намечается. Переход электростатики в электродинамику. С дождем и грохотом. Долбанет сейчас меня молнией, и полечу по всем законам физики. Вертикально вниз. Свежеподжареный и аппетитно пахнущий, с хрустящей корочкой. С высоты 1000 футов. Или 300 метров. Или 330 ярдов. Могут слоны летать? Покажите мне летающего слона, и я свой хвост съем. А, с другой стороны, когда я взлетаю, на деревьях сучья ветром обламывает. Кубометр воздуха весит меньше полутора килограммов. Площадь моего крыла – не больше 15–18 метров. На два крыла – 30 метров. И пять тонн. Почти 200 килограммов на метр. На тоненькую пере-

понку. И максимум три взмаха в секунду. Нет, по нормальным законам физики я летать не могу.

Теперь – биология. Во-первых, я – единственный дракон в этом мире. Единственный представитель своего вида. Причем, отлично приспособленный к окружающей среде. То есть, лучше всех. И при этом единственный. Не агрессивный, хотя отлично бронирован и вооружен. Могу перебить слону хребет ударом хвоста. Могу поднять носорога на рога. Могу перекусить бегемоту горло. И при этом всеяден. Могу (и люблю) есть сухую древесину. Могу, но не люблю траву. Ел мясо. Но сырое невкусно, а с костром возиться – в лом. Сухие березовые дрова сами по себе вкусные. Сколько несоответствий – с ума сойти. Шесть конечностей – раз. Двойная специализация зубов – как у хищников и травоядных скопом – два. Даже травоядные не едят сухую древесину. Грызут, зубы точат, но не едят. Я ем – три. Рога с регулируемым углом атаки – четыре. Вроде бы, у змей ядовитые зубы подвижные, но рога – ни у кого. Рога – признак травоядного, а клыки – хищника. У меня и то, и другое. Нонсенс. Далее – зрение. У хищников – направлено вперед, обзор где-то 180 градусов. У травоядных – круговой обзор. Я опять ублюдок. У меня 270 градусов. Далее – передние конечности. Таких в природе не бывает. Когти сжаты – бронированный кулак. Или копыто. Когти развернуты – не дай бог кому-нибудь с ними познакомиться. Когти убраны, пальцы выпущены – венец эволюции. Но у эволюции не хватило по-

роху на такую конечность. Или когти, или пальцы. Точнее, когти на пальцах. Только вот у кошек как? Куда у них когти убираются? Надо будет посмотреть. Черт с ними, с кошками. Крылья. У птиц и летучих мышей – это передние конечности. У меня – средние. Как у пегаса. Этого самого пегаса люди выдумали. А кто же меня выдумал? И изготовил. В единственном экземпляре. Эволюция не могла. Она конвейер любит, поточное производство. Да и не доросла она до таких, как я. Слишком я хорошо продуман. Слишком много законов нарушаю своим существованием. Значит, меня сделали. Кто-то. Собрались в кружок четыре мудреца. Один собрал костяк. Второй нарастил мясо. Третий обтянул шкурой, четвертый вдохнул жизнь. Я проснулся и пообедал. Всеми четырьмя. И даже не спросил, зачем они меня сделали. А может и спросил, но ответ забыл, когда в ту скалу врезался. Красивая гипотеза, но где-то я ее слышал. И есть в ней недостаток. Мудрецов нет и драконов других больше не будет. Ни одного. Ни одной. Поэтому лучше остановиться на варианте, в котором я не пообедал. В этом случае ясно, что делать. Найти этих генных инженеров, посадить в кружок, снабдить материалами и пусть творят! А если не захотят? А вдруг они решат, что драконы будут представлять угрозу для человечества? Может, я не случайно в ту скалу въехал? Может, мне жизнь была как кость в горле. Поднялся повыше, разогнался в пике, только не под тем углом со скалой встретился. Вместо прямого удара получился скользящий. Так и

не удалось лебединую песню спеть, лапы склеить, копыта отбросить. И ведь удалось бы, если б не ручеек под носом. И регенерация как у гидры. Ну кто мог подумать, что я такой живучий. Как десять гадюк. Нет, эта гипотеза всех фактов не объясняет. Ничерта она не объясняет. Поэтическая заумь, массаракш! Тридцать три раза массаракш! Спокойней, парнокопытный друг пернатых! Говори, что думаешь, но думай, что говоришь! Дождик начинается, что делать будешь? Мокнуть со всех сторон, или только сверху? Кто-то из великих сказал: «Не знаешь, что делать – сей разумное, доброе, вечное». Что бы такое посеять? Может, тот кустик удобрить? Или полить? С бреющего. Хотя, зачем его поливать, на болоте-то. Расслабься и думай о приятном. Вот видишь, какая крр-а-сивая молния. Ничего не видишь. Ничего, это сейчас пройдет. Вот снова травка зеленеет, птички поют. Или это у меня в ушах звенит? Лошадка!.. В болоте... Тонет ведь! Тот плюгавый, что суетится на берегу – хозяин? Чем не повод для доброго и вечного. Как же ее вытащить? Легче всего – когтями за спину, но вытащу не лошадь, а кусок мяса. Лангет.

Пикирую, зависаю над лошадью, пытаюсь захватить ее под брюхо хвостом. Грязь летит во все стороны, ничерта не видно. С чего я взял, что меня хорошо продумали? На автомобиле – и то стеклоочистители ставят.

Плюх!

Падаю в болото рядом с лошадью. Не совсем в болото. Пе-

редние лапы – на твердой земле. Выпускаю когти и тащу себя на берег. Чувствую хвостом, как забила, а потом обмякла лошадь. Потерпи, бедняжка, никто тебя кушать не будет. Сейчас хозяин тебе травки принесет. Вылезаю, наконец, на полянку и осторожно опускаю лошадь на траву. Боже, я ей позвоночник сломал. Передние ноги сучат, задние парализованы. В глазах боль. Убрал когти, осторожно ощупываю спину. Ну что, сеятель разумного, доброго, вечного, спас животину? Теперь осталось объясниться с хозяином. Черт, сколько раз говорил себе: «Думать надо до, а не после.» Жил себе тихо, мирно. Людей не трогал, они не трогали меня. Во всяком случае, последний год. Что было до этого, не помню. Теперь поползут слухи. Злой дракон задрал лошадь. Или – добрый дракон помогает крестьянам. Неизвестно, что хуже. Злого дракона надо убить, на это есть рыцари. Потому как рыцарям положено совершать подвиги и убивать драконов, дабы защитить от оных селян. А доброго дракона можно отловить и посадить в зверинец. На зависть и устрашение соседей.

Кстати, куда мой селянин делся? Побежал разносить слухи? Что же мне с лошадью делать? Вот селянин! Никуда не убежал, за деревом стоит. С топором. Это на меня-то – с топором? Даже не смешно. Чего же он ждет? Не нападает и не убегает?.. Ду-урак ты, Змей Горыныч, он же к своей кобыле гать клал, когда ты его спугнул. Пора вступать в контакт. Значит так, я веду себя как господин, он меня покорно слу-

шает и дрожит от страха. Должен дрожать и слушать. Начинаю.

– Подойди.

Действует! Мужичонка робко подходит метров на пять и кланяется. С лица стекает грязь и дождь, он размазывает их грязным рукавом.

– Как звать?

– Тит Болтун, сэра Дракон.

Вступил в контакт, что дальше? Какой я лучше? Добрый или злой? Наверное, злой лучше.

– Скажешь людям: дракон вытащил клячу из болота, но падаль есть не стал. Повтори.

– Слушаюсь, сэра Дракон. Лючия, как увидела сэра Дракона, опрокинула воз, и понесла. И прямо в топь. Сэра Дракон ее из топи достал, но она уже умерла, и сэра Дракон ее есть не стал.

Значит, ее Лючией зовут. А селянин мой и на самом деле болтун. И фантазер. Не мог я Лючию испугать, я же с другой стороны болота летел. Что она, на свидание со мной торопилась? Хотя, так даже лучше. Дракон должен вызывать ужас одним своим видом.

– Можешь идти.

Почему он не уходит? Размазывает грязь по физиономии, топчется, руками какие-то знаки подает.

– Говори.

– Сэра Дракон, Лючия мучается. Убить надо бы. Ей же

больно.

Лошадь уже не бьется. Только часто и мелко дышит. Смог бы я на ее месте выжить? Наверное, смог бы. Но она – не я. Сейчас он ее топором по шее, кровь фонтаном. Да он моего разрешения ждет. И грязь по физиономии размазывает. Плачет, что ли? Нет, я животине спину сломал, мне ее и кончать.

Охватываю хвостом шею лошади и пережимаю сонную артерию. Через минуту отпускаю.

– Сэр Дракон, можно мне спросить, если вы ее есть не будете, можно мне с Лючии шкуру снять?

Что-то не похож он на дрожащего от страха. Может, здесь беседа с драконом – обычное дело? Тогда должны быть другие драконы. Надо его расспросить. Но не подавать виду, что мне это интересно. Иначе... Что иначе? Дипломата бы сюда. Прежде всего – занять его делом, чтоб не ушел.

Делаю хвостом брезгливо-разрешающий жест.

– Спасибо, сэр Дракон.

Мужик приступает к своей работе. Странное, однако, имя для лошади. Хороший вопрос, нейтральный.

– Лошадь... Лючия?

– Да, сэр Дракон, это потому, что она на любовницу сэра Блудвила похожа. Сэр Блудвил ее из похода как пленницу привез. Якобы, ради выкупа. А какой с нее выкуп, если она всю жизнь босиком ходила. Богатые господа – они в обуви ходят, ногу ставят – бум, бум. А она – как плывет, сразу видно. А чтоб жена не выпендривалась, сэр Блудвил рано утром

приехал, еще до восхода солнца. И сразу в спальню. А леди Блудвил спала и не успела надеть пояс верности. А сэру Блудвилу это и надо. Все знают, что ни одна леди и двух дней не станет носить этот пояс, но к приезду сэра господина всегда надевает. Может ведь так случиться, что на поясе замочек сломался. Или у леди ключик от шкатулки совсем как ключик от пояса. Главное ведь, чтоб пояс на месте был. А леди Блудвил как раз без пояса оказалась. А сэр Блудвил как закричит на нее: «Раз ты, распутница, без меня спала, с кем хотела, я в отместку тебе тоже буду спать, с кем хочу!» Это с Лючией, значит.

Да у него словесный понос. Не зря его Болтуном прозвали. Блудвил – это в переводе Кровавый Вил. Фамилие такое. Кровавый Вил – охотник на драконов! Звучит? А селянин мой – не дурак. Другой бы не заметил, кто как ногу ставит. Шерлок Холмс, хвостом тя по голове!

– Только свет еще не видел такой шельмы, как леди Блудвил, прости меня Господи, – продолжает Тит Болтун. – Две недели она была ниже травы, тише воды, выжидала, куда ветер подует. А когда даже крестьяне начали сетовать, что сэр Блудвил при живой жене живет с любовницей, приказала отрезать Лючии губы. Вот с тех пор у Лючии зубы как у лошади. А сама она с кухни не вылезит. И сэр Блудвил на нее больше не смотрит.

Нравы, однако, тут у них... Как же все-таки Лючия в болото попала? Он что-то о возе говорил. Это та копна, что ли?

– Вы, сэр Дракон, не смотрите, воз отсюда не видно, он за тем поворотом будет. Моя Лючия грозы завсегда боялась, а тут молния как в дерево ударит, она и понесла.

Он что, мои мысли читает? Или я так отчетливо головой верчу, что дураку ясно? Ну почему меня на дипломата не учили!

– Мне бы, сэр Дракон, только зиму продержаться, а там жеребчик подрастет. А пока я буду у Сэма Гавнюка лошадь брать. Он у меня на посев два мешка пшеницы весной занял. А Гавнюком его сэр Вульфред прозвал. Они в тот раз с сэром Блудвиллом затеяли биться, кому с нашей деревни в этот год подать брать. Они каждый год бьются, это у них обычай такой. И сэр Блудвилл выбил сэра Вульфреда из седла. А люди сэра Вульфреда отнесли его в дом к Сэму. А сэр Вульфред как очнулся, увидел Сэмову жену, и говорит: «Что же ты, гавнюк, ее ко мне на первую ночь не привел?» Так Сэм и стал Гавнюком. А пока сэр Вульфред Сэму ребенка делал, его конь мою Лючию покрыл. Теперь у меня жеребчик рыцарских кровей подрастает. А Сэм не знает, какому сыну хозяйство оставить. По закону полагается старшему, а вдруг сэру Вульфреду это не понравится. А я ему говорю: «Оставляй старшему, как полагается, и не бойся сэра Вульфреда, ты же к тому времени помрешь.» А он боится.

Слушай, длиннохвостый, и запоминай. Ты сейчас за час узнал больше, чем за весь предыдущий год. Как же повернуть этот словесный понос в нужное русло? По плану этот

Тит Болтун должен трепетать от страха. Похож он на испуганного? Не больше, чем я на канарейку. Спрашивается, почему. Что я сделал такого, что он проникся ко мне доверием? Сломал хребет его кляче и не стал есть. Разрешил снять шкуру. Слушаю его треп. Ведут так себя злые драконы? Мас-саракш! Глупею прямо на глазах! Это он должен распустить слух, что я злой. А все же, антуража надо подбавить.

Сжимаю правой лапой нетолстое дерево – сантиметров 20–25. Кора и древесина расплзаются под когтями, и ствол медленно, со стоном, заваливается. Теперь – энергичный взлет. Мужика сбивает с ног напором воздуха и катит по поляне.

А много ли на самом деле нового я узнал? Что здесь есть рыцари, я знал и раньше. Видел. Дважды. Что господа-землевладельцы пользовались правом первой ночи, знаю. Не знаю, откуда, но знаю. Что такое пояс верности, тоже знаю. Что в остатке? Семейные подробности жизни одного лэнд-лорда и одного крестьянина. Ах, да, еще тот факт, что лэнд-лорды собирают подать со своих крестьян. Получается, этот болтун мне зубы заговаривал? Стоп, спокойней, без эмоций. Ты у него что спросил? Почему он так назвал свою лошадь. Он тебе ответил? Ответил! И почему назвал, и чего она боится, и от кого у нее дети. Про драконов ты его спрашивал? Нет. Забыл! Так чего злишься?

– Эээр акооон, эээр акоон! – Это что, мой селянин забыл спросить, который час? Ишь, как бежит. Кто-то зеленый, че-

шуйчатый мечтал внушить страх и ужас. А внушил обожаение и собачью преданность. Вот он, как собачка за мной дует! Споткнулся! Отстал... Жаль. Интересно, на сколько миль его бы хватило. И что может потребоваться простому селянину от дракона? Странно это. Зачем люди могут бегать за драконами. Уговорил, красноречивый, возвращаюсь. Раз сам позвал, все мне сейчас о драконах расскажешь.

Красиво планирую и, завершая последний мах крыльями, приземляюсь на четыре точки. Беднягу опять валит ветром. Неустойчивый на ногах оказался.

– Говори.

Во как запыхался. Сразу видно, трусцой по утрам не бегает.

– Сэр Дракон, вы такой сильный, могучий, не могли бы вы спасти девочку?

Нихрена себе новости! Она что, тоже в болоте утонула? У меня как раз богатый опыт спасения утопающих. Тут, рядышком, на краю болота лежит.

– Она ни в чем не виновата, сэр Дракон, это вам любой скажет. Разве это ее вина, что она единственная наследница сэра Тэрибла.

Тэрибл, Тэрибл... Знакомая фамилия... Вспомнил! Иван зэ Тэрибл убивает своего сына. Нет, это явно не тот Иван.

– Сэр Тэрибл желает смерти своей дочери?

– Нет, что вы, сэр Дракон, сэр Тэрибл был добрейшей души человек. Он даже подать в трудные годы уменьшал. И

леди Тэрибл тоже была добрая. А девочка им племянницей приходится. Это старый Сэр Тэрибл крутой был. Он младшего сына – отца Лирочки – из замка прогнал и наследства лишил. За то, что он против его воли женился. А теперь все умерли, и девочка осталась единственной наследницей. А церкачи и сэр Деттервиль и сэр Блудвил хотят поделить между собой земли сэра Тэрибла.

Коротко и ясно. Нехорошие дяди хотят обидеть сиротку. А добрый дракон должен ее спасти, и она станет принцессой. За кого же она выйдет замуж? За меня, что ли? Чуешь, длинноухий, у тебя есть шанс стать человеком. Только кто такие церкачи?

– А чтоб все было по закону, церкачи объявили ее ведьмой. И устроили Божий суд. Она же рыжая, как мать. А у нас как – если женщина рыжая, значит уже наполовину колдунья. А сегодня дождь шел, значит вечером, за два часа до захода солнца ее сожгут.

Церковники они, а не церкачи. Инквизиторы. А что за Божий суд?

– Что за божий суд?

– А это, сэр Дракон, назначают срок 10 дней, и за эти десять дней не должно упасть ни одной капли дождя. Тогда человека отпускают. А если был дождь, значит виновен. А с какого дня счет вести, сам виноватый выбирает. Но тоже не больше десяти дней со дня суда. Только...

– Что?

– Только, сэръ Дракон, как же можно летом без дождя? Ведь если дождя не будет, поля родить перестанут. Люди голодать будут. Как же Господу быть? Одного наказать, или многих? У нас если на неделе дождя не было, молебен заказывают.

Вот, значит, как. Морской климат на службе у инквизиции. А я должен выступить против святой церкви. А святая церковь объявит на меня крестовый поход. И все из-за рыжей сопливой девчонки. Которая, к тому же, осуждена по закону, и все равно не получит назад свои земли. Спрашивается, нахрена мне искать приключения на свою задницу?

– Где она?

– Спасибо, сэръ Дракон, я знал, что вы не откажете! Это в шестидесяти милях отсюда, в Литмунде, на главной площади. Если вы, сэръ Дракон, сейчас полетите на восток, то увидите дорогу. До нее мили четыре будет. Так вот по ней прямо на север. Там через шесть миль река будет и мост. А у моста дом, вы сразу узнаете. Там церкачи пошлину собирают. А дальше дорога такая широкая, что три телеги разъедутся, тут не ошибетесь. И до самого Литмунда.

И откуда ты, Тит Болтун, такой умный, на мою голову взялся? И законы ты знаешь, и дедукцией владеешь, и с драконами на короткой ноге. Не селянин, а римский сенатор. Тит Клавдиус! Как же будет «болтун» по латыни?

– Читать умеешь?

Испугался! Нет, ну это же надо – меня не боялся, сзади

бегал, а простого вопроса испугался? Значит, это не такой простой вопрос. Значит, из-за такого вопроса на виселицу попасть можно. Или на костер. Теперь он меня боится, чего я и добивался. А значит, отвечать будет честно на любой, даже самый глупый вопрос. И не подумает, что вопрос глупый. Очко в мою пользу.

– Смотри мне в глаза.

– Сэр Дракон, в этом же нет ничего плохого, в том, что я умею читать. Вот акробаты на руках ходить умеют. Ничего в этом плохого нет, а народу весело. А я здесь восемь лет живу, у кого угодно спросите, никто меня читающим не видел, сэр Дракон.

Умеет, однако. Тит Лукреций Карр.

– Книгочей или чернокнижник?

Не-ет, он на самом деле на ногах неустойчивый. Уже на коленях.

– Сэр Дракон, не обижайтесь, но неправда то, что в книгах о колдовстве пишут.

– А ты откуда знаешь, что неправда, Тит Книгочей? Или Тит Сенатор? Пробовал?

Чего я над ним издеваюсь? Его же сейчас инфаркт хватит. Вот он боится меня, программа выполнена на 150 процентов. Сейчас загнется, и так я ничего и не узнаю о других драконах. Однако, слово «сенатор» он явно знает.

– Что ты знаешь о драконах?

– Год назад я считал, что драконов не существует.

Ясный, четкий, лаконичный ответ. Молодец, Тит Болтун, можешь ведь говорить кратко... Стоп. Что-то не так. Тит Болтун сказал бы: «Год назад я думал, что драконов не бывает». А ты шкатулка с двойным дном, Тит Болтун. Но с тобой мы потом разберемся, а сначала с драконами.

– И что же произошло за этот год?

– Сначала поползли слухи, что в Замке Повелителя Всего проснулся дракон. Слухам я не верил. А через месяц, полгода назад, я увидел вас, сэр Дракон. Вы играли в снегу, и я решил, что вы добрый Дракон.

Проклятье! Хочется провалиться под землю от стыда. Я отлично помню, чем тогда занимался. Счастливое было время. Память возвращалась с каждым днем, крылья зажили, и я тренировал их в коротких перелетах. Никаких несоответствий в себе не находил, о людях не знал. Накануне выпал глубокий, мягкий снег. И я резвился в нем как котенок. А потом слепил снеговика. Самого обычного, только трехметрового роста. С глазами из шишек и руками из еловых лап. Тогда я даже не задумался, кого леплю. Вопрос: будет ли кто-нибудь бояться дракона, который лепит из снега снеговиков?

– А теперь что думаешь?

– Что вы добрый Дракон, который хочет казаться злым.

Муж, упорный в своих намерениях.

– Почему?

– Вы пытались спасти мою лошадь.

– И сломал ей хребет.

– Это случайно. Если б вы хотели ее съесть, схватили бы когтями. Так удобней.

– Встань с колен, Тит Болтун. С тобой интересно беседовать. Как-нибудь позднее расскажешь мне о себе. А сейчас – прощай. У меня есть срочное дело.

Нет, он определенно неустойчивый на ногах. Опять покатился. Как он говорил, четыре мили на восток, потом вдоль дороги на север. Вот дорога. Теперь шесть миль до реки. Я полечу над дорогой, и все обыватели будут указывать на меня пальцем. А если полечу над лесом, то как найду этот вшивый городишко? Жаль, что колдовства не бывает. Сейчас бы прикинулся тучкой – и порядок. Или птичкой. Я маленькая птичка, я вовсе не... А если подняться повыше, сойду я за птичку? За птичку, может, и не сойду, а вот за маленького, нестрашного дракончика – определенно. Хватит у меня сил на четыре тысячи метров? Теперь – план кампании. Чего я добиваюсь? Хочу я спасти девчонку? Хочу. Хочу, чтоб за мной охотилась церковь? Нет. Ну и что из этого? Ничего. Дальше – чего хочет церковь от девчонки? Чтоб она умерла. Чего хочет девчонка от церкви? А ее никто не спрашивает. Дальше – чего хочу я от церкви? Чтоб она забыла о девчонке. В каком случае церковь забудет о девчонке? Если девчонка умрет. Или если церковь будет думать, что девчонка умерла. Во! Просто, как дважды два! И все довольны. Девчонку съел злой дракон! Вместе с потрохами. На глазах у потрясенных обывателей. Слава тому, кто совместил приятное с по-

лезным. Квинт Гораций Флакк. Теперь – детали. Ее, скорее всего, привезут на телеге. Наверняка в центре площади будет пустое место. Ее снимают с телеги и ведут к костру. Тут сверху пикирую я, хватаю девчонку и все думают, что ем. Крови надо. Ладно, тогда придется пожертвовать лошадью. Кровь будет лошадиная. Море кр-р-рови. Все вокруг будет в кр-р-рови. И девчонка – в первую очередь. Жалко лошадку, но что поделать, искусство лицедейства требует жертв. Ну до чего же трудно вверх лететь. Зато есть время подумать. О жизни, о себе. О шибко вумных римских сенаторах, бедных драконах и рыжих девчонках. Он же назвал ее по имени. Лайлочка? Лирочка! Лира. И чувства нежные я Лирой пробуждал. Не помню. Но что-то не так. Еще монета такая есть. Вспомнил! Деревянная рама, несколько струн, сплошные переборы и аккорды. Никаких колков и куча конструктивных недостатков. Теперь снова о драконах: драконов нет. Но недавно в Замке Повелителя Всего проснулся дракон. Не появился, а проснулся. Замок – это моя пещера. Или берлога. Нет, Замок лучше звучит. Теперь будет – Замок. А я – проснулся. Спал, спал, а потом проснулся. Сколько же лет я спал, что умные люди решили, что я – сказка? Никак не меньше ста. А потом Повелитель Всего подметал пол, наткнулся на дракончика, взял его за хвостик и выбросил с балкона. Дракончик упал и проснулся. Только, когда падал, повредил несколько косточек и головкой стукнулся. А когда вернулся домой, Повелитель отбыл в местную командировку. Лет на триста. Еще од-

на гипотеза, которая вписывается во все известные факты. Только ничего не объясняет. Хотя нет, один факт объясняет. Моя пещера, пардон, мой Замок – не мой, а Повелителя Всего. А Повелитель всего – человекообразный бог. Но я тоже имею какое-то отношение к Замку. Недаром мое чувство направления указывает не на север, не на юг, а на Замок. И все коридоры сделаны под мои габариты. А мебель – маленькая. Стали бы люди за просто так вырубать в скале восьмиметровые потолки? Жаль, что от Замка только три зала осталось. Прихожая, мастерская, чулан. И балкон. Это я их так назвал. Еще кучка маленьких кладовок, куда одна моя голова влезает. Надо будет Тита Болтуна распросить, сколько лет назад скала с Замком раскололась. Какое там – лет, веков! Та часть скалы, которая вниз рухнула, столетним лесом поросла. Наверно, к Замку вела красивая, вырубленная в граните лестница. Широкая, чтоб я мог пройти. С просторными площадками, с нишами в скале, в которых стояли мраморные статуи. Или – каменные львы, играющие каменными шарами. А на головы статуям птички какали. А что осталось – дырка в отвесной скале. На высоте 150 метров. Был зал, стал балкон. Весь обкаканый птичками. Сколько я его отмывал... Ага, этот городишко, наверно, и есть Литмунд. Река была? Была. Мост был. Дом на берегу был. 50 миль широкой дороги – вот они. Короткие какие-то мили. Центральная площадь есть? Есть. Представление начнется за два часа до заката. Значит, мне здесь, среди тучек часа три кантоваться. Холод-

но. Может, сесть? А вдруг свой выход прозеваю. Зато здесь в пингвина превращусь. Испугаются инквизиторы пингвина? А сколько секунд мне надо на выход? Исходные данные: до земли 4000 метров плюс-минус 500. До площади – 10 тысяч плюс-минус две трамвайные остановки. Что они там зашебуршились? Дрова привезли? Дым? Они же начинают!

Перехожу в спуск с набором скорости. Отвожу крылья назад, чтоб уменьшить площадь. Так быстро я еще никогда не летал. По перепонке крыла пробежала, резанув болью, волна. Еще раз. И вдруг забила, выворачивая кости в суставах, вибрация. Флаттер! Жуткая, полощущая боль в перепонках крыльев. Откидываю голову назад. Набегающим потоком выворачивает шею и прижимает затылком к спине. Вижу только свой хвост на фоне голубого неба. Теряю ориентацию. Кажется, делаю бочку. Сколько до земли? Где она? Там – небо, значит земля – там. Реву от боли и стараюсь выйти из пике. Не меньше трех G. Голубое небо за хвостом неожиданно сменяется землей. Скорость ощутимо падает. Снова могу управлять ситуацией. Я уже над площадью. Делаю свечку, чтоб погасить скорость, переворот через крыло и вновь пикирую. Реву. От боли и для создания антуража. Костер – вот он. Народ – разбегается. Где же лошадь? По плану должна быть лошадь. Нет. Зависаю над костром и сильными взмахами сбиваю язычки пламени, расшвыриваю поленья. Сел. Осматриваюсь. Девчонка? В обмороке. Привязана к столбу. Цепями. С виду цела. Лошадь – отсутствует. Народ

– разбегаются. Набираю побольше воздуха и издаю последний, самый мощный рев. Разворачиваю во всю ширь крылья и осматриваю. Перепонка цела, хотя болит. Ладно, все по плану, кроме лошади. Пробую лапой столб. Врыт крепко. Запускаю в дерево когти и осторожно вытаскиваю. Девчонка повисает на цепях. Зачем же ее так примотали? Кандалы на руках, ногах, и цепь вокруг пояса. Намертво прибиты к столбу железными костылями. Надо было клещи взять. Потом выну, сейчас возьму в комплекте со столбом. Теперь по плану – продолжение спектакля. Кровожадный дракон убивает беззащитную сиротку. Хорошо, что сиротка в отключке. Не будет мешать своими репликами. Реплики подаю я.

Разворачиваю столб девчонкой ко мне, деревяшкой к зрителям. Есть тут зрители? Мне зрители нужны, свидетели! Есть, в окнах. Много. Несколько. Повышаю голос до тембра щенячьего визга.

– Не-ет! Не-е-е-т! А-а-а!!!

Разумеется, голос замолкает, когда мои челюсти смыкаются на столбе. Откусываю кусок над самой головой девчонки и меланхолично пережевываю. Сосновый! Фу, гадость! Хуже только еловый. Откуда кровь на столбе? Да я себе губу прокусил, когда пикировал. Великолепно! Ну чем я не лошадь! Выплюываю на землю окровавленные щепки. Кажется, пора опускать занавес. Сиротка пала жертвой дракона, море крови – вот оно. Ну не совсем море, но кровь ведь. Зато лошадке жизнь сохранил. Взлетаю. Больно, но крылья рабо-

тают. Плюю кровавой слюной в окно со зрителями. Некультурно, конечно, но по сценарию все должны быть в крови. И пусть не заглядываются на мою Лирочку. А то углядят еще, что у нее голова не откушена. Все, спасательная операция закончена. Как по нотам! Секунда в секунду, тютелька в тютельку! В полном соответствии с планом, заранее разработанным и утвержденным! Мы рождены чтоб сказку сделать былью! Пурум-пу-пум, пространство и простор! Приятно иметь дело с умным... гм... человеком. Куда же мне ее отнести? Ну, сначала ко мне. Снять наручники, ножнички и прочую бижутерию. А потом? Суп с котом! Пожует – увидим. Как там мой трофей? Вроде бы шевелится. Нет, все еще в отключке. Все еще или снова? Или притворяется? Я бы на ее месте притворялся. Зеленое платье ей со-о-всем не идет. Тоже мне фасон – мешок с рукавами. Батюшки, ноги-то в волдырях. Кто же на костер в миниюбке идет? Макси надо, чтоб до пят, асбестовое. Тит говорил – девочка. Лошадь она, а не девочка. Ей сейчас лет 16. Вот погоди, накрутит она тебе хвост. Интересно, а сколько мне лет? Почему я могу на взгляд оценить возраст человека, и даже не знаю, сколько живут драконы? Что я вообще знаю о драконах? Только то, что узнал за этот год на собственном опыте. Вот сегодня узнал, что для драконов опасен флаттер. А как мы размножаемся? Мы живородящие или яйца откладываем? Был бы я драконихой, может и знал бы. Но почему все мои знания относятся к человеческой цивилизации.

Откуда я знаю будущее? Какой сейчас год, не знаю, а что будет потом, знаю. Сейчас мы имеем феодальную систему, расцвет рыцарства и инквизицию. Что-то между 12 и 15 веками. Чего гадать, Лира мне скоро точно скажет. Вроде бы, в сказках драконы могли предвидеть будущее. А что я вообще знаю о будущем? Лучше – по-порядку. Сначала были океаны. В них появились амебы. Потом – многоклеточные, трилобиты, рыбы. Потом полезли на сушу. Динозавры. Кстати, у них второй мозг в заднице размещался. Ну, мозг, не мозг, у них и первый-то до мозга не дотягивал. А может, и у меня там мозг есть? Может, поэтому до меня все как до верблюда доходит? Есть же у меня второе сердце. Почему бы не быть второму мозгу? Перспективы зато какие! Откусит мне кто-нибудь голову, а я отойду в сторонку и лягу под кустик, дожидаться, пока новая не вырастет. Отвлекаюсь. Появляются теплокровные, динозавры вымирают. Маргышка слазит с пальмы, берет в руки палку и строит пирамиду Хеопса. Потом – древняя Греция, демократия, города-государства, древний Рим. Расцвет арифметики, геометрии, рождение алгебры. Аль-джебры. Архимед со своими хохмочками. Потом – темные средние века – это то, что мы имеем сейчас. Дальше – возрождение, научный метод познания мира, развитие математики, интегралы-производные. 19 век. Научно-технический прогресс. Век пара и электричества. Пароходы, паровозы, двигатели внешнего сгорания. Цикл Карно. 20 век. Бензин, автомобили, самолеты, компьютеры, теория относи-

тельности и атомные бомбы. Хиросима, экология и Красная книга. 21 век. Виртуальная реальность, сверхпроводимость, Луна, Марс, Юпитер, ближний космос, промышленный фотосинтез, высокотемпературная сверхпроводимость в сверхмощных магнитных полях – и в результате 2-я энергетическая революция. Аккумуляторы практически беспредельной емкости. Опасные, как ящик динамита. Потом – устройства аварийного разряда, что-то там насчет синхротронно-когерентного излучателя. В общем, половина энергии идет на создание электромагнитной волны, а вторая – на создание такой же волны, но в противофазе. В результате на выходе – пшик плюс вакуум, напряженный до потери изотропности. И сложнейшая математика, которая объясняет избранным, куда делась энергия. 22 век. Антигравы и нуль-транспортировка. Выход человечества в дальний космос. 23 век – ничего не помню. Что же получается? Лучше всего помню 19-й, 20-й, 21-й века. В обе стороны от них – провалы в памяти. Чем дальше, тем больше. Что я помню о динозаврах? Компьютерные фильмы и научные статьи. Самих не помню. А паровоз отлично помню. Телевизор помню. Сенсовизор помню. Нет, не стыкуется. Как я мог человеческий шлем сенсовизора на свою голову одеть? А драконьего шлема не помню. Девятнадцатый век помню, а сейчас – средние века. Может, я в обратном времени живу? Все живут в будущее, а я – в прошлое. А как головкой об скалу стукнулся, ориентацию потерял, и как все жить начал. Нет, фантастика. Насчет скалы есть ва-

риант попроще. Лечу я, значит, лечу. Высоко лечу, так как орлы мух не ловят. Быстро лечу, потому что к ужину опаздываю. Подлетаю к Замку, пикирую, вхожу во флаттер, вот как сегодня, и – бух головой об камень. Уноси готовенького. Наилучшая гипотеза на сегодня. Отлично объясняет, как я разбил нос. Остается выяснить, кто я такой, откуда родом и что тут делаю.

Приехали. Осторожно переносу столб с Лирочкой в прихожую. Притворяется, что в обмороке, глаза закрыты, а мышцы играют, пытается на столбе поудобней устроиться. Ну, притворяйся дальше. Аккуратно обкусываю столб там, где вбит костыль. Освобождаю цепь ручных кандалов. Теперь – где прибиты ножные?

Вжжих!

Уй, как больно!!! Цепью по носу!

Вжжих!

Еле успеваю отдернуть голову, цепь лязгает по полу. Пробую лапой нос – идет кровь. Девчонка уже сидит, смотрит волком. Цепь отведена назад, приготовлена для удара.

– За что?

– Ты женщину убил. Не отпирайся, я слышала. Вот ее кровь на мне!

Молодец, артист. Ты просто Станиславский. Если первый ряд не заметил обмана, галерка наверняка во все поверила. Доказывай теперь, что ты не верблюд.

Иду в мастерскую, беру топор, клин, подумав, добавляю к

ним клещи самого большого размера. Возвращаюсь, меняю голос на женский.

– Неправда твоя, девочка! Кого угодно спроси, любой скажет, это ты кричала, когда дракон тебе голову откусывал. – И своим голосом: – А кровь на тебе – моя!

Толкаю к ней по полу инструменты. Немая сцена. Закрой рот, язык простудишь. Говорят, дети самые послушные, когда провинятся, чувствуют вину и хотят исправить. Сейчас ты у меня будешь чувствовать вину. Выбираю место и сажусь к Лире спиной. Демонстративно. Все равно я ее в зеркале с ног до головы вижу. Облизываю и ощупываю лапой нос. Он уже не болит, но ей это знать не обязательно. Может, сесть в позу Роденовского Мыслителя? Нет, тогда в зеркале только пол отразится. Ложусь, подпираю лапой голову и тайком наблюдаю. Господи, она мне сейчас топор изуродует! Кто же цепь на каменном полу рубит? Клещи на что? Опять ощупываю нос. Заметила! Догадалась клещи взять. Внимание, самое интересное! Освободилась, идет на контакт. Клещи зачем? Положила. Умница! Подходит, берет меня за верхний клык, вытирает мой нос своим вонючим рукавом – подтиралась она им, что ли – ой, сейчас чихну! И звонко чмокает в нос. Отдергиваю голову. А-а-а-пчхи! Облизываю поскорей нос. А-а-а-пчхи! Контакт налажен. Но этот грязный рукав я тебе не прощу! Сейчас ты сама им утрешься. Высовываю язык и облизываю ей физиономию. Всю. За два раза.

– Ой, мастер Дракон, ой не надо, что вы делаете!

Ага, утирается! Интересно, что лучше, сэр Дракон или мастер Дракон.

– Зачем же ты с ними поехала?

– А они не знали, что меня ведьмой обвинят. Тогда даже церкачи еще не хотели меня убивать. Сэр Деттервиль хотел меня в жены взять, а земли бы они между собой поделили. Но сержант и солдаты и этого не знали. Они меня леди Тэрибл называли, честь отдавали – смешно было. Для меня белую лошадь привели. Отдельную палатку ставили. И все вдесятером в мужья набивались. Даже женатые.

– И сержант?

– Сержант удочерить предлагал. Так и говорил: «Леди Тэрибл, давайте я вас удочерю. Если только моя гримза возражать не будет.» И так до самого Литмунда. Впереди знаменосец, за ним я на белой лошади, а за мной – десять человек. Все в полном вооружении, веселые, оружие на солнце блестит. Крестьяне кланяются, солдаты честь отдают. Знаменосец как крикнет: «Дорогу леди Тэрибл!» – все дорогу уступают.

– А потом ты отказала сэру Деттервилю?

– Они меня и не спрашивали. Церкачи объявили бы мужем и женой, сэр Блудвил и леди Блудвил – свидетели. Только оказалось, что по закону мои земли делить нельзя, пока кто-нибудь из Тэриблов жив. Это церкач в архивах откопал. Марайт, или как-то так называется.

Майорат? Вроде бы это французское изобретение. И более позднее. Ну вот, третий браслет – на левой лодыжке разваливается на две половинки. Напильник – ни к черту. Был напильник, нет напильника.

– Может последний на завтра отложим?

Отбирает у меня орудие производства, скрючивается – колени выше головы – и сосредоточенно пилюкает.

– Отдай напильник и рассказывай дальше.

Отдает и изучает свои трудовые мозоли. Я – тоже. Назовите мне хоть одну сказку, в которой дракон натирал мозоли напильником. Вздыхаю и принимаюсь за работу.

– Сэр Блудвил не хотел, чтоб меня убивали, но магистр настоял. Он сказал, что у сына сэра Блудвила нет патента на грамотность. А сэр Блудвил сказал, что его сыну не нужен патент, пока ему десять лет не исполнилось. Тогда магистр сказал, что сейчас не исполнилось, но годы идут. И сэр Блудвил сдался.

– Подожди, расскажи подробнее, что за патент?

– Ну, если ты читать умеешь, у тебя должен быть патент.

Их церкачи выдают.

– Всем выдают?

– Всем, у кого денег хватит. Патент сто золотых стоит.

– А если кто умеет читать, а патента нет?

– Поймают с книгой – глаза выколуют. За то, что читал без патента, глаза выколуют, а за то, что умеешь читать, патент дадут. Раньше еще клеймо на лоб ставили, но теперь не ста-

вят, так отпускают.

Плохо я историю помню. Костры из книг – помню, жгли. А чтоб грамотеев ослепляли – не помню. Век живи, век учись. Только с патентом. Божий суд каленым железом – помню. Испытание ведьм на плавучесть – помню. А Божий суд дождем – как в первый раз услышал. Наверно, местная достопримечательность.

– Расскажи, как суд проходил.

– Я сначала даже не поняла, что они меня судят. Меня даже не допрашивали. Сначала ведь должны допросить, чтоб ведьма созналась, а магистр просто позвал еще двух церкачей. Они сели за стол, а меня перед собой поставили. А сзади встали два солдата, сэр Блудвил и сэр Деттервиль. Магистр стал диктовать, а второй церкач записывал. Что девица – представляешь, они даже отказались меня леди Тэрибл называть! Мол, пока в наследных правах не утвердили, я никто.

– Это как раз понятно. Одно дело судить простолюдинку, другое – леди.

– Не перебивай. Я, такая-то девица, обличена в колдовстве, но вину свою отрицаю. Поэтому назначается Божий суд. Срок Божьего суда виноватая пожелала отсчитывать с завтрашнего дня. Представляешь, я им и слова сказать не успела!

– Ты – не успела? Не представляю!

– Да ну тебя! Отвели в темницу, отобрали штаны, куртку, дали этот балахон. У меня в куртке ножик спрятан был. Они

как его нашли, позвали кузнеца и заковали в кандалы. Но кормили хорошо. Картофельный суп, а в нем мясо. Два раза в день. А на восьмой день дождь пошел.

– Кого заковали? Кузнеца?

– Тебе бы только шутить. А знаешь, какой ножик был! Как кинжал! Ой!

Ой – это потому, что напильник сорвался и пилюкнул ей по ноге.

– А почему тебя так рано сжечь хотели? Полагается ведь за два часа до заката.

– Не знаю. Так магистр приказал. И гонцов по деревням не посылали. Обычно посылают. Поэтому и ждут до вечера, чтоб народ собраться успел.

Выходит, процесс шел с нарушением процессуальных норм. Даже по их законам. Почему они так торопились?

– А ты хотела бы получить назад свои земли?

– Не знаю. Но магистра я точно убью! Он... Для него люди – как дрова. Нужны дрова – от дождя укрывает. А потом в печку кинул – и забыл. Как и не было.

– Ты не обманываешь, что он за тебя срок назначил?

– Что я, совсем глупая? Дождя ведь четыре дня не было. Я бы дождалась дождя, и со следующего дня...

– Тогда, может, не все потеряно. Подумать надо.

– Ты сможешь мне магистра убить?

– Тебе сколько лет?

– Четырнадцать.

Последний браслет наконец разваливается на две половинки. Женщины, конечно, любят приуменьшать возраст, но ей-то зачем?

– Посмотри мне в глаза.

– Ну... через два месяца будет.

Кто сказал, что акселерацию изобрели в двадцатом веке?

– И в кого ты такая кровожадная?

– В дедушку, – стягивает с напильника рукоятку, взвешивает на ладошке и с разворота запускает в столб. Смотрю на столб – напильник торчит под прямым углом, а до столба больше десяти метров. Смотрю на нее. Сосредоточенно зализывает на ладошке сорванную мозоль. Все понял, чешуйчатый? Скоро эта амазонка будет выгуливать тебя на поводке.

– Мастер Дракон, а когда драконы ужинают?

Началось! Боже, за что мне такое наказание? Ну почему я не отнес ее к Титу Болтуну?

– Ты умеешь разводить огонь?

– У меня огнива нет.

Мясо добыл я. Молоденького лося. Соль есть. Каменная. Я ее лизал, но Лире об этом говорить не буду. Пусть думает на лосей. Ведро взял из мастерской. Ручей – вот он. Костер сложила Лира. Остается найти коробок спичек. Или зажигалку. Или сварочный пистолет. На худой конец сошел бы папуас из Австралии. Сижу, думаю, задумчиво обгрызаю бе-

резовое полешко.

– Я думала, ты сейчас огнем дунешь, и все.

– Индюк тоже думал, да в суп попал...

– А кто такой сэр Индюк?

– Сэр Индюк очень похож на сэра Петуха, но вкуснее и супа из него больше получается.

– Я есть хочу, а тебе только бы посмеяться.

– Будем добывать огонь трением. Нужна веревка.

Недоверчиво смотрит на меня, потом поворачивается спиной, задирает платье и сматывает с талии кожаный ремешок.

– Такая подойдет?

Расщепляю сухое полешко, формирую клыком в каждой половинке по лунке. Выбираю нетолстый сук попрямей, обламываю лишнее и заостряю концы. Мат-часть готова. Кладу полешко на землю, прижимаю лапой. В лунку вставляю сук, накрываю второй половиной полена.

– Обмотай сук в два оборота и дергай за концы туда-сюда.

Не может быть, чтоб папуас с такой работой один справлялся. Дым идет вовсю, но у нас заняты две руки и четыре лапы. Наконец Лира ногами запихивает в лунку мох, обжигается, вопит, но держит. Дым сменяется язычками огня, которые тут же гаснут. Лира раздувает искорки и разводит костер.

– Здорово! У нас в деревне никто так не умеет! А правда, что драконы все на свете знают?

– Неправда. Драконы знают ровно половину всего на свете.

Тихий час после ужина. Лиру отправил стирать платье. Сам лежу на спине, грею брюшко в лучах заходящего солнца. Вернется, посмотрю, хорошо ли умеет выделывать шкуры. Я совсем не умею. Один раз попробовал. Вся шерсть вылезла, кожа затвердела как фанера. При попытках согнуть ломалась. Так и не удалось сделать занавеску. Всю зиму ночевал в чулане. Там в любой мороз выше нуля, сама гора греет. Но – темно. Поэтому и назвал – чулан. Почему я такой ленивый? Жареное мясо в десять раз вкуснее березового полена. Суп – хуже: бульон неплохой, но чего-то не хватает. Морковку бы сюда, картошечки, бобов. И остыл к тому же, пока ложки делали. О ложках мы забыли.

– Ли-и-ра! Что вы в суп кладете кроме мяса?

– Мы мясо только по праздникам кладем. А так картошку.

На-ша милая картошка-тошка-тошка-тошка. Пи-онерский идеал! Семейство пасленовых. Привезена в Европу из Америки. Сначала – картофельные бунты, потом – основной продукт питания. Все помню! Нет, ошибка в логике. Я же не помню, чего не помню. Если взять бочку из мастерской, снять крышку, получится кастрюлька для меня. Только сначала насыпать туда сухого песка и камешков и покатать по берегу. Ржавчину удалить. Так раньше кольчуги чистили. То есть, сейчас чистят. Картошку будет Лира чистить. Готовить

– женское дело. Нет, Лира эту кастрюльку за два дня не одолеет. Неважно. Молодую картошку чистить не надо, а до старой дело не дойдет. На посев займу у Тита Болтуна. А кто поле пахать будет? Я вместо трактора? Нет уж, дудки... Несolidно. Раскорчевать помогу, но пусть сами сажают. У Тита жеребчик рыцарских кровей подрастает. Тяжеловоз, что ли. Как там Колумб? Еще жив, или помер? Может, слетать, посмотреть? Познакомлю Лирю с живым Колумбом. В каком году помер Колумб?

– Ли-и-ра! Какой сейчас год?

– Тысяча сто двадцать шестой от пришествия.

Не помню такого летоисчисления. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. Шекспир. Гамлет.

– А от рождества Христова какой?

– Прибавь восемьсот лет. Тысяча девятьсот двадцать шестой.

Минуту лежу, пытаюсь сопоставить факты, потом резко переворачиваюсь и принимаю боевую стойку. Чешуя стоит дыбом, в животе холод.

Не было в двадцатом веке инквизиции. Сталин был, Гитлер был, Пол-Пот был, инквизиции не было. В моем мире не было. А в этом – есть. Этот мир – не мой. Чужой, незнакомый, опасный. Здесь насилуют женщин, выкалывают глаза грамотным, сжигают на кострах девочек – и все по закону! В двадцатом веке. А какая, собственно, разница? В моем мире

сжигали в пятнадцатом. Разница в том, что я НИЧЕГО не знаю об этом мире. Все мои знания относятся к моему миру. Здесь даже законы природы другие. Здесь драконы водятся. Стоп. Почему я решил, что тот мир, который я помню, мой. Потому, что я его помню. Потому, что я не помню другого. А много я вообще помню? Как меня зовут? Не помню. В каком году родился? Не помню. Мой мир тот, в котором я живу. Аксиома. В том мире драконы не водились. Там водились летающие тарелки. За тарелками охотились любители нездоровых сенсаций и войска ПВО. В этом мире нет тарелок, зато есть дракон. За которым охотятся Титы Болтуны, сопливые амазонки и скоро будет охотиться церковь. Или рыцари. Вопрос: почему я живу в этом мире, а помню тот? Вопрос номер два: почему я вообще живу в этом мире? Вопрос номер три: какая связь между мной и Замком Повелителя Всего?

– Церкачи? – Лира напряженно пытается проследить мой взгляд. В руке – топор. Ну просто Чингачгук – охотник за скальпами.

– Белки.

Оба расслабляемся. Буду изучать свой мир. Завтра.

– Как тебе удалось от церкачей ремешок спрятать?

– Ловкость рук и никакого мошенничества!

– Серьезно? Ножик нашли, а ремешок – нет?

– Если серьезно, они хотели, чтоб я сама на этом ремешке удавилась. Чтобы на костер не идти.

– А ты?

– А я надеялась, что меня сержант с солдатами спасут. Но их, наверно, отослали подальше. Я никого из знакомых не видела.

– Собирай вещи и летим в Замок.

– А можно, я вместо седла шкуру положу?

Эту склизкую, холодную, кровавую, невыделанную? Нет уж, дудки!

– Можно, но шерстью ко мне.

Догадливая попалась. Сворачивает шкуру вдвойне и привязывает ремешком. Съел, пернатый? Сам разрешил. В следующий раз помни, что венец эволюции – человек, а не дракон. Сколько времени надо, чтоб объездить лошадь? Тебя, потомок динозавров, укатали со второго раза. Прощай, свобода...

Как спокойно было раньше! Ложился, когда хотел. Спал, где хотел. Вставал, когда хотел. Это неумное существо полночи не могло устроиться. Наконец зажало меня между стенкой и столом (чтоб не ворочался), постелило на стол вонючую шкуру (так теплее) и накрылось моим крылом как одеялом. Как будто крылу не холодно. Теоретически я знал, что крестьяне встают вместе с солнцем. Но на практике...

– Вставать пора! Коней поить! Коров доить!

– У-у-уйди, женщина!

– Ранней пташке Бог подает! – тянет за хвост.

– Я не ранняя пташка. Я филин, – сворачиваюсь, как

ежик, в клубок.

– Кто долго спит, обед проспит.

– Только попробуй съесть мое березовое полено. Узнаешь, где зимуют раки.

Некоторое время все спокойно.

Скри-и-и-и. Как ножом по стеклу. Пытаюсь закрыть уши крыльями, но это не спасает. Поднимаю голову. Из кладовки появляется шкаф, толкаемый Лирой. Встаю и иду на балкон. Собачий холод. Все тело болит. Последствия вчерашнего флаттера. Хотел полетать для согрева, но отказываюсь от этой мысли. Иду назад, в тепло. Из кладовки уже появилось 4 стула, кресло и пол-стола. Стол застрял в дверях. Рыжее чудо куда-то исчезло. Заталкиваю стол назад, кладу на бок и вытаскиваю. Интересный, однако, материал. Пластик двадцать первого века. Все предметы в мастерской можно отнести к двадцатому. Не здешнему, а тому, который я помню. Из кладовки раздается грохот падающей мебели. Вылетает облако пыли. Потом, кормой вперед, появляется Лира с кушеткой на буксире. Задумчиво осматриваю платье цвета старого асфальта. Вчера оно было зеленым.

– А-а-а-пчхи!..

Вся мебель вытащена, осмотрена, рассортирована. Вся из пластика. Легкая, надежная, практически вечная. Та, которой будем пользоваться, у левой стены, остальная – у правой. Нигде нет заводского клейма. Странно это. Лира снова от-

мыта и отстирана. Хмурится. Вынашивает какие-то суровые планы. Завтракаем за столом остатками вчерашнего ужина.

– Мастер Дракон, кто я сейчас?

– Отдаленный потомок обезьяны, если верить Дарвину.

– Не надо ему верить, я не это спрашиваю. Месяц назад я была простой селянкой. Десять дней назад я была леди Тэрибл. Вчера я была ведьмой. А кто я сегодня?

– Сегодня ты свободна, как вольный ветер и бедна, как церковная мышь.

– Я на самом деле свободная? Ты спас меня от страшной смерти и я у тебя в долгу на всю жизнь. Если прикажешь прыгнуть вниз, я прыгну. Если хочешь, можешь меня съесть. Только я знать хочу, что меня ждет.

Хотел бы я знать, что тебя ждет. С таким характером. Радуйся, придурок. Никто не будет тебя по утрам будить и за хвост дергать. И картошку никто варить не будет.

– Доедай, собирай вещи, и я отнесу тебя, куда попросишь. А пока придумай историю позабавней, как сбежала от злого дракона. Люди должны думать, что я злой. Все поняла?

Покраснела, кусает губы.

– Клянешься?

– Слово дракона.

Ушла в кладовку. Собирать вещи. Почему мне так грустно? Я же знаю эту соплячку меньше двух дней. Мало тебя по носу цепью били? И какие у нее вещи? Все ее вещи – платье, ремешок и три цепочки. Значит, уже завелись.

Появляется из кладовки и кладет на стол моток веревки.

– Не сердись, пожалуйста. Но, если бы ты меня сделал рабыней, я бы убежала. Я должна магистра убить.

– Дался тебе этот магистр. Убьешь одного, на его место поставят другого. Попадешься – второй раз я тебя спасти не смогу. Придушат в темнице, как цыпленка.

Смотрит на меня как на умственно отсталого: с грустным сожалением. Медленно отходит на пять шагов, вытягивает вперед левую руку. Ладонка смотрит на меня.

– Я, леди Елирания Тэрибл, глядя в глаза дракона, клянусь сделать все возможное и невозможное, чтобы убить магистра ордена Пришествия Литмундского монастыря. Я клянусь отомстить своим врагам сэру Деттервилю и сэру Блудвилу, если они не умрут раньше. Я сказала.

Губы сжаты, в глазах стальные льдинки.

В том мире, который я помню, это называется «сжечь мосты».

Просто все это произошло слишком рано и слишком резко. Я оказался морально не готов. И ежику ясно, что период накопления информации рано или поздно должен смениться периодом активных действий. Много информации я накопил? И да, и нет. Нет, мало. Для активных действий явно недостаточно. Есть у меня программа? Нет. Есть у меня цель для активных действий? Нет. Зато у этой соплячки цель есть. Справится она с ней? Магистра она, может, и завалит.

И при этом погибнет сама. Может, не погибнет? Не надо себя обманывать. Хочу я, чтоб она погибла? Нет. Чего я хочу? Узнать, кто я, откуда, и что я здесь делаю. Касаются меня хоть каким-то боком ее цели? Нет. Обязан я ей хоть чем-то? Нет. Одни «нет». Почему же я мучаюсь? Мы в ответе за тех, кого приручили. Антуан де Сент Экзюпери. Маленький принц. Остается выяснить, кто кого приручил. Ясно одно – я теряю контроль над ситуацией. Как вчера, во флаттере. К черту эмоции. Есть логическая задача. Главное – правильно сформулировать логическую задачу. Решить, а потом плюнуть на все и сделать наоборот. Чтоб совесть не мучила. Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Это уже не Шекспир. Кто – потом вспомню. Сначала – задача. Девчонка хочет убить магистра. Могу я ее отговорить? Могу и очень просто, если откушу ей голову. Если я ее сейчас отпущу на все четыре стороны, она погибнет сама и может засветить меня. То есть, если ее узнают, наверняка возникнет вопрос, как она ожила, если дракон откусил ей голову. Тут два варианта: или дракон не откусывал ей головы – тогда он враг церкви. Или откусил, но потом приделал новую – тут два шага до бессмертия. Оч-чень интересный дракон. Надо бы им заняться.

Остается последний вариант – лично возглавить операцию по восстановлению справедливости. Придушить потихоньку магистра, уронить кирпич на кумпол сэру Блудвилу, кастрировать сэра Деттервиля. И раз в квартал спасать с ко-

стра очередную симпатичную ведьмочку. А церкачи заменят костер на открытом воздухе кастрюлей с кипящим маслом в закрытом помещении. И будут продавать билеты, как в кино. На ужастик. Вот и ответ... Это уж точно Шекспир. Гамлет.

Программа минимум – добиться отмены патентов на грамотность. Будет свобода печати – рано или поздно будет и все остальное. Ммм... Где же я это слышал?.. Неважно. Сейчас – неважно. Потом вспомню. Программа максимум – по обстоятельствам. Пойдет на это Лира? С радостью. Хочу я этим заниматься? Нет. Буду? Да. Справлюсь? Живым бы остаться... Жизнь моя, жестянка...

Зверюшка повелителей

– Ты хочешь отомстить врагам, получить назад свои земли, восстановить доброе имя и при этом остаться живой?

– Ты мне поможешь?

– Нет, это ты будешь мне помогать. И будешь делать все, что я прикажу. Прикажу съесть гадюку – съешь гадюку. Прикажу отрубить руку – отрубишь руку. Прикажу родить ежика – родишь ежика. Молча. Хоть против шерсти. Согласна?

Думает. Это хорошо. Почему в этом мире все такие умные? Церковь упорно хочет превратить людей в идиотов, а природа сопротивляется. В том мире, который я помню, было как раз наоборот. Государство учило. Бесплатно. Читать, писать, умножать, делить. Читали, писали, зубрили. Только думать не учились. Придется нам сражаться вдвоем против умных людей. Сначала – вдвоем.

– А если ты прикажешь мне простить магистра?

– Пойдешь и утопишься с досады в болоте.

– Согласна!

– Тогда запомни: мы беремся за очень опасное, грязное дело. Грязное оно потому, что кроме врагов будут гибнуть друзья и невинные люди. Надо, чтоб их погибло как можно меньше. Очень может быть, что один из нас тоже погибнет. Поэтому ты должна знать мой план. Главное ты уже знаешь.

– Что главное?

– Что люди – не дрова. Наказать твоих врагов, вернуть землю, добиться власти – это только начало.

– А как... А что потом?

– Ты считаешь, тебя справедливо отправили на костер? Или справедливо то, что один человек выкалывает глаза другому за то, что тот умеет читать.

– Понятно.

– Не перебивай... Подожди, что тебе понятно?

– Что я умру молодой и красивой. В полном расцвете сил. Церкачей уже пытались разогнать. Только они все равно всегда побеждают. Если против них идет народ, они собирают армию. Если против них идет армия, они расползаются, как тараканы во все щели, а в армии начинается мор. Если против них готовят заговор, они засылают шпионов, а потом всех ловят и вывешивают вдоль дороги на столбах.

Умыла девчонка. Соплячка четырнадцатилетняя, а умыла. С полуслова поняла и... прощай, авторитет. Но откуда она все знает? Читает по утрам «Пионерскую правду» и все знает... Потом спрошу, а сейчас надо спасти имидж. Как?

– Пытались. Не смогли. Какой из этого вывод?

Молчит, хмурится, смотрит исподлобья.

– Вывод простой. Нужно попробовать свалить церковь другим путем. Например, возглавить и развалить изнутри. Но это обсудим позднее. Сейчас задача – вернуть то, что принадлежит тебе по праву. Кстати, почему ты решила, что умрешь молодой и красивой?

– Потому что до старости не доживу.

– Нет, я имел в виду – красивой...

– Ах ты...

Повеселела.

– Не передумала?

– Тэриблы не отступают!

– Тогда запоминай: солдаты – те, что за твоей спиной стояли – твои свидетели. Они видели, как был нарушен закон. Но пока магистр жив, ничего у тебя не получится. За его спиной – вся церковь. Если он умрет, а на его месте другой будет – тогда легче. На мертвого можно много вины свалить. Вернуть ту землю, которая церкви отошла, не надейся. Но поверни дело так, якобы это плата церкви, чтоб не вмешивалась в твою драку с Деттервилем и Блудвилем. Во всех бумагах пусть тебя именуют как-нибудь по-другому. Леди Гудвин, например. Был такой мошенник. Если тебя назвать Леди Тэрибл, церкви надо будет отдавать свою долю, а на это она не пойдет. Сама до поры, до времени не высывайся, все переговоры с церкачами веди письмами. С каждого письма делай три-четыре копии. Все письма храни в тайниках. Церкачи их искать будут. Чтоб в каждом тайнике была только часть настоящих писем, остальные – копии. Солдат – свидетелей до времени попытайся где-нибудь спрятать. Церкачам живые свидетели не нужны. По себе знаешь. Все поняла?

– Да. А ты что будешь делать?

– Я буду давать тебе мудрые советы, по возможности оста-

ваясь в тени. Для оперативной работы я не подхожу. Слишком выделяюсь на общем фоне.

– Для какой работы?

– Потом объясню. Я буду появляться там, где не будет свидетелей, или там, где без меня не справиться. Вот как с тобой.

– Так ты не случайно там оказался? Ты за мной прилетел?

– Догадливая.

– А как ты узнал?

– Один умный человек сказал. Потом вас познакомлю. Будет возглавлять у тебя аналитический отдел.

– Кого?

– Будет планировать операции, анализировать результаты проделанной работы и прогнозировать ответные действия церкачей.

– И совсем не смешно. Или научи меня языку Повелителей, или говори по-человечески.

– Насчет Повелителей – ты мне расскажешь. Я ничего о них не знаю.

Удивил, ошеломил и ошарашил. Глаза распахнуты, челюсть отвалилась. Давеча Тита простым вопросом до смерти напугал. Какая-то у них неадекватная реакция.

– Ты же дракон Повелителей!

Секунд через сорок догадываюсь закрыть рот. Иду в чулан, ложусь в уголке и накрываюсь крылом. Такой вот штрих к моей биографии. Одни держат кошек, другие собак. В Ин-

дии держат удавов. А Повелители предпочитают дракончиков. Маленьких таких дракончиков, не больше десяти метров. Чтоб мышей ловили. А этот Замок – не замок вовсе, а так, сарайчик. На выходные заехать, на природе отдохнуть. А я, как волю почувствовал, с поводка сорвался и к отъезду опоздал. А может, экстерьером не вышел. Или на хозяина тьякнул. Получил тросточкой промеж рогов и ку-ку. Кошки, говорят, привыкают не к хозяину, а к месту. За сотни километров в старый дом возвращаются. Я за тысячи направление на свою берлогу чувствую. «Орлы мух не ловят». Не орел ты, пучеглазик, а домашняя зверюшка. Хомячок. Приходит Повелительница в магазин и спрашивает: «А у вас есть такой же, только с крылышками? И чтоб спинка зеленым отливала. Его чем кормить? Мясом? Нет, нет, сделайте, чтоб щепочки кушал.» А продавец отвечает: «Одну минутку. Вам с каким хвостиком? С прямым или колечком? В этом месяце все с прямым берут. Завернуть, или так возьмете?» Нет, не могло так быть, я же разумное существо, это же несправедливо.

– Дракоша, что с тобой? Я что-то не так сказала? Прости меня, пожалуйста, я не хотела. Ну, Дракоша! Скажи что-нибудь!

– Вечером поговорим, ладно? Мне сейчас подумать надо.

А много ли вообще в этом мире справедливого? Люции губы справедливо отрезали? Лиру на костер справедливо послали? Что такое – справедливость? Она что, закон природы? Нет. Норма поведения. Если я поступаю с другими так,

как хотел бы, чтоб поступали со мной, это справедливо. А если я попал в компанию садомазохистов, тогда как?

Хотел один рогатый, чешуйчатый узнать, кто он и откуда. Узнал. Хайре! Радуйся, зверюшка.

Вот и повод для суицидальных наклонностей. Теперь я опытный, выберу место в горах, где ни ручейка, ни травинки. Крылья нужно сложить, тогда флаттер не страшен. На такой скорости для управления хвоста хватит. Все просто, как дважды два. Лира... Отнесу к Титу, объясню. Не маленькая, поймет. Ничего она не поймет. Я ей кое-что обещал, и она приняла мои условия. Принял бы я такие условия? Нет. Я свободу люблю. А она не любит? Придется, тебе, чешуйчатый, отрабатывать обещанное.

Стоп! А чего я разволновался? Земля перевернулась? Солнышко в речке утонуло? Ну, узнал, что я – дракон Повелителей. Что я, от этого летать разучился? Да и где они, эти Повелители? Ну, сделали меня. Разве я от этого глупее стал? Я еще неделю назад догадался, что меня сделали. Может, не меня, а моих предков в тридцатом колене. Люди от обезьян произошли. Вот кому плакать надо. Они же из-за этого в петлю не лезут! И летать не умеют, и хвоста у них нет. В меня людские надежды вложили, а я собрался головой об стенку... Господи, так чего же я хочу?..

– Расскажи мне все, что знаешь о Повелителях.

– Я мало знаю. Ну, они спустились с неба. Построили себе

Замок. Летали на огнедышащих драконах. И учили людей. А потом вдруг исчезли. А теперь говорят, что Повелитель был только один. А когда в прошлом году увидели, что ты живешь в Замке, стали говорить, что ты дракон Повелителя. Ты сто лет спишь, а потом сто лет не смыкаешь глаз. Только сто лет назад тебя не было, я точно знаю.

– Когда они появились?

– В 36-м году. То есть тогда это был 836-й год от рождения Христова. А двести лет спустя стали отсчитывать время от их появления. Века – от их появления, а годы по-старому. Так до сих пор и идет.

– Они исчезли, когда Замок обвалился?

– Нет, что ты, это пятьсот лет спустя. А может, больше. Я не знаю.

– Повелители здесь долго пробыли?

– Больше восьми лет.

Восемь лет. Достаточно долго, чтобы перевернуть все вверх дном, но мало, чтоб раскрутить маховик научно-технического прогресса, воспитать хоть одно поколение последователей. По данным социологов, на первый этап нужно лет двадцать, и еще семьдесят на окончательное устаканивание формации. Знали они это? Наверняка знали. Что же такое случилось, что заставило их уйти? Прометеи – неудачники.

– Почему их Повелителями зовут?

– А они могли все, что угодно сделать. Летать могли, могли за одну ночь каменный дворец построить. Живых желез-

ных рыцарей делали. Своих призраков вместо себя по мелким делам посылали. Говорят, вещи их слушались. Позовет он, например, стол. И стол к нему сам, как собачка, бежит. Их никто из людей обмануть не мог. Пригласит повелитель к себе человека, посадит в кресло, сам сядет и спрашивает. И что бы человек не отвечал, повелитель сразу правду узнает. Даже если ничего не говорить. А если у человека ноги или руки нет, могли новую вырастить. Возьмут человека к себе в Замок, положат в такое хрустальное корыто и человек засыпает. А когда просыпается, у него уже новая нога или рука. Вроде бы одну ночь проспал, выйдет наружу, а уже месяц прошел. Только, наверно, сказки это.

– Нет, все, что ты перечислила, можно сделать.

– И ты можешь?

– Наверно, могу. Если мне вся страна помогать будет, лет за триста сделаю. Если не помру раньше.

– Так долго? Я точно раньше помру.

– Это неважно. Главное – начать, столкнуть камень с горы. Потом не остановишь. Люди сами все изобретут и сделают.

– Ничего себе – не важно! Вы, драконы, по тыще лет живете, вам не важно. А я ста лет не проживу.

– Не обижайся, я, может, тоже не проживу. Что потом было?

– Потом церкачи объявили, что знания – великая сила, и владеть ими могут только достойнейшие. Забрали все книги в монастыри и открыли при монастырях библиотеки, гимна-

сии, академии. Установили новые меры. Название старое, а то, чем измерять, новое. Вот например, миля раньше длинней была. А фунт – легче. А настоящие названия – километр и килограмм. Только с каждым веком гимнасий становилось все меньше. А лет триста назад ввели патенты для грамотных. Сначала так давали, а потом за деньги, все дороже и дороже.

– Как выглядели Повелители?

– Как люди, только на две головы выше самого высокого человека. А одежда была как железная кожа. В воде не намокала и в огне не горела. Рассказывают, Повелитель из горящего дома ребенка спас. Вошел в дом, сунул ребенка за пазуху, а когда выходил, в подпол провалился. А когда пожар потушили, он вышел и ребенка живого из-за пазухи достал.

– После того, как Повелители исчезли, их хоть раз видели?

– Слухи много раз возникали. И церкачи каждый раз большой отряд для встречи посылали. Хоть на край света. Но только все это выдумки были. То крестьянин рыцаря без лошади увидел, то самозванец какой.

– Точно их ни разу не было?

– Точно!

– Откуда ты все знаешь?

– Я не могу сказать. Это тайна. Я бы тебе все сказала, только слово дала.

– Слово надо держать.

– А у тебя от меня тайны есть?

– Вроде, нет.

– Тогда скажи, чего ты в лесу испугался.

Вот кого в дипломаты надо.

– Помнишь, что я у тебя спросил? Какой год. Ты сказала, что двадцатый век от рождества Христова. Так вот, я думал, что идет пятнадцатый.

– Ты проспал пятьсот лет! И все твои друзья умерли... Бедненький!

– Кстати, о моих друзьях. Что случилось с драконами Повелителей?

– А никто не знает. Повелители ушли, и драконы с ними.

– Так вот все бросили и ушли?

– Да. Даже не сказали, что уходят. Сели на драконов, слетелись в Замок – и нет их.

– Защищайтесь, сэръ Дракон!

– Рано еще, я спать хочу.

– Защищайтесь, или я отрублю вам хвост.

Открываю один глаз. Лира салютует мне двуручным деревянным мечом и принимает боевую стойку. Мой хвост отдаст салют и тоже встает в позицию. Начинается бой. Хвост явно проигрывает по очкам. Мне приходится встать, чтоб обеспечить ему возможность отступления. Хвост пытается поставить веерную защиту, но получает укол. Стулья с грохотом летят на пол, мы отшвыриваем их ногами. Неожиданно хвост обегает вокруг меня и нападает на противника с тыла.

И получает еще один укол. Бой идет до трех уколов, и счет мне не нравится. Хвост отвлекает противника, а я неожиданно атакую сверху и откусываю метровый кусок меча.

– Сдаетесь, леди Тэрибл? – Лира прижата спиной к стене, острый кончик хвоста нацелен ей в грудь. От двуручного меча остался кусочек меньше кинжала.

– Так нечестно! Вдвоем на одного!

Хвост теперь изображает нечто среднее между пингвином и атакующей коброй. Я смотрю на него, он «смотрит» на меня. Потом отрицательно вертит «головой».

– Он говорит, что ты первая на него напала, – перевожу я. Хвост подтверждающе кивает.

– Смотри, птичка! – Лира указывает на что-то за моей спиной. На такую простую приманку мы не попадемся.

– Честное слово, птичка.

Я снова смотрю на хвост, он на меня.

– Проверь, – говорю я. Хвост внимательно «осматривается» и пожимает «плечами».

– Он говорит, что никогда еще не видел такой, хитрой, коварной и вероломной леди, – перевожу я. – Но он все простит, если леди даст ему поспать еще часок.

– Ни за что!

– А полчасика?

– Четверть часа и мастер Дракон делает мне новый меч!

– Тогда лучше смерть! – Хвост обвиняет остаток меча, наносит себе третий укол и падает мертвым.

Ли́ра моли́твенно скла́дывает ру́ки.

– Спи спо́койно, хра́брый вои́н. Если те́бя наре́зать коле́чками, полу́чится мно́го-мно́го вку́сных котле́ток. Ами́нь.

По́ра за́втракать.

Если та́к по́йдет да́льше, я ста́ну то́лстым, непо́воротли́вым и не смо́гу ле́тать. Впро́чем, не́т. Оле́шки начну́т от ме́ня прятаться, да и Ли́ра не да́ст расто́лстеть. Где на́писано, что дра́коны до́лжны вста́вать в ше́сть у́тра? Во́т засну́ в возду́хе, бу́дет авиа́катастро́фа. А это́ а́ргумент! За́втра та́к ей и ска́жу.

– Мно́го наро́да зна́ет, что я жи́ву в За́мке?

– Да все!

– Пло́хо. Мо́гут те́бя заме́тить. То́гда у нас возни́кнут про́блемы.

– Ни́кто не заме́тит. Лю́ди бо́ятся сю́да хо́дить. И це́ркачи за́прещаю́т бли́же, че́м на два́дцать ми́ль подхо́дить. Ше́стьсо́т ле́т наза́д То́мас Ка́призны́й со сво́ими сбо́рщиками по́дати ста́л ла́герем под За́мком. Та́к зе́мля затря́слась, За́мок о́бруши́лся, в Ли́тмунде по́лови́на до́мов разва́лилась, а оста́льные в по́жаре сго́рели. В го́рах о́зеро бы́ло, его́ прорва́ло, не́сколько дере́вень смы́ло. Ше́стьсо́т ле́т про́шло, а це́ркачи по́ тем по́гибши́м ка́ждый го́д мо́лебен слу́жат. Го́ворят, е́сли кто зде́сь посе́лится, бе́да сно́ва по́вторится. А это́ на са́мом де́ле из-за То́маса слу́чилось.

– Кто-ни́будь из его́ лю́дей в За́мке бы́л?

– Никто не знает. Они почти все утонули.

До Литмунда километров 80. Если бы здесь что-то взорвалось, остался бы кратер, как на Луне. Могли Повелители установить управление сейсмикой? Могли. Но запрограммировать аппаратуру на землетрясение – это не кнопку нажать. Для этого институт кончить надо.

– Ты сказала, в Литмунде дома рушились. А дальше как?

– До самого побережья. Только в Литмунде сильней всего.

Землетрясение – здесь... Почему бы и нет. Горы – есть.

Старые, но ведь горы.

– Нет, Томас Капризный ни в чем не виноват.

– Хорошо. Я боялась, что беду на людей накликаю.

Снеговика я лепил в той долинке. Меньше трех миль от Замка. А Тит Болтун меня увидел. Услышал, что в Замке завелся дракон и пошел проверять. Зимой. В самый центр запретной зоны. Ай да Тит!

– Кое-кто заходил в долину этой зимой посмотреть на меня.

Встревожилась, задумалась. Правильно. Я бы тоже задумался.

– Дракоша, мне надо в деревню сходить за вещами. А вечером ты мне свой план расскажешь.

Только этого не хватало. Сейчас она пойдет в деревню, там ей устроят торжественную встречу. А через три дня все собаки на сто миль вокруг будут знать, что леди Тэрибл жива и здорова. Не-ет, пора принимать меры.

– Ты знаешь, что такое конспирация?

– Знаю. Это значит, никто не должен меня видеть. Правильно?

– Правильно...

– Кроме двух-трех самых надежных друзей!

Ведь на самом деле знает... Все знает! Откуда? Тайна... Слово дала. Читает перед сном Большую Британскую Энциклопедию и все знает. А библиотекарю поклялась никому не говорить. Тсс...

– Кроме одного-двух.

– Согласна! Ты меня подвезешь?

Начинается...

Жду в условленном месте. Появляется с двумя огромными узлами. Хмурая, заплаканная. На меня пытается не смотреть. Молча забирается, устраивает свои узлы. Взлетаем.

– Что случилось? Церкачи погром устроили? Убили кого?

– Нет. Все хорошо.

Молчим всю дорогу. Странно это. Так же молча разгружаемся. Явно между нами пробежала какая-то кошка.

– Постой. Сядь и посмотри мне в глаза. Что случилось?

Села верхом на стул, смотрит в пол.

– Не заставляй меня смотреть тебе в глаза. Я не хочу, чтоб ты знал, что я думаю.

– Повтори еще раз, только помедленней.

– Я не хочу, чтоб ты знал, что я думаю. У меня могут быть

свои тайны.

– Ты думаешь, что если я посмотрю тебе в глаза, то прочитаю твои мысли?

– Да.

Вот почему Тит Болтун тогда раскололся. А у Лирь новые тайны завелись. Конфиденциальные. Сказать правду или нет? Друзьям положено говорить. Да ведь, все равно узнает.

– Слушай внимательно. Я читать мысли не умею. Может, другие драконы умеют, а я – нет. Слово дракона. А теперь говори, что случилось.

– Ты сам знаешь. Ты Лючию убил. Не отпирайся, я видела, вся шкура твоими когтями изодрана.

Мда... Убил, чего отпираться. Только шкура была целой.

– Ту, которая лошадь, или ту, которая из кухни не вылазит?

– Сам знаешь, что лошадь! – слезы в два ручья.

Ах, черт! У них ведь кожа, это у меня шкура. И у Лючии. Тит шкуру аккуратно снял. При мне снимал. Значит, потом, для убедительности, порезал. Правильно вообще-то. Я об этом не подумал. Что же он Лире наговорил? Ясно, что. Мою легенду. Как договаривались.

– В следующий раз пойдешь в деревню, скажешь Титу Болтуну, чтоб рассказал тебе правду. Скажешь, я разрешил. Но только тебе. А сейчас забудь о Лючии, у нас есть другие дела.

– Так это не ты убил Лючию?

Сколько надежды в голосе. Массаракш. Что стоит сказать: «Да, не я». Потом слетать в деревню и проинструктировать Тита Болтуна насчет новой легенды. Делов-то на полчаса. Встаю и медленно иду в чулан. В любимый угол.

– Лючию убил я. Сначала сломал ей спину, потом придумал, чтоб не мучилась.

– Зачем?!!

– Не люблю оправдываться. Тит расскажет.

Слушаю, как постепенно затихают всхлипывания.

– Мастер Дракон, мне надо в деревню.

Оказывается, я задремал. На Лире кожаная куртка, штаны, сапоги. Все на несколько размеров больше.

– Скоро стемнеет, завтра полетим.

– Мне надо сегодня. Спусти меня вниз, я сама дойду.

– Двадцать миль ночью по лесу и болоту – это будет уже завтра.

– Неважно. Я хочу знать правду.

– Тогда знай, что Лючия твоя была трусиха. Из-за этого и погибла.

– Неправда!

– Испугалась молнии и залезла в болото. Я ей сломал спину, когда вытаскивал. Слишком крепко трясина держала.

Лира открыла рот, закрыла, поникла, опустилась рядом со мной, прижалась к моему боку.

– Она больше ничего не боялась. Только грозы. Я ее же-

ребенком помню. Потом она выросла и на землю ложилась, чтобы я могла на нее сесть. Таких умных лошадей ни у кого больше не было. Расскажи, как все было.

– Подожди, ты же... она... Ты кем Титу приходишься?

– Пока мой папа жив был, Тит нам соседом был, а потом я у него жила.

– Вот, значит, как... А Сэма Гавнюка знаешь?

– Я у него Лючинину шкуру видела. Мне его сын показал. Ты не бойся, он не проболтается. Скорей язык откусит.

– А кто еще тебя видел?

– Больше никто. Все в поле работали.

– Так ты и Тита не видела.

– Нет, я ему письмо оставила.

– ЧТО??? Ему же за твое письмо глаза могут выколоть!

– Ну что ты сразу? Кроме нас двоих его никто не поймет. Там не буквы, а рисунки. Хочешь, нарисую. Сам увидишь.

Выходим на балкон, Лира рисует свой ребус: Веселая рожица, солнце, дом с открытой дверью. Я пытаюсь дешифровать.

– Рожица – это ты. Веселая, значит у тебя все в порядке. Дверь открыта, значит ты заходила домой. Солнце – заходила днем. Правильно?

– Наполовину. Рисунок на шестке, и так ясно, что я была дома. Дверь открыта, значит приду еще. Видишь, два луча длиннее других. Это значит, что я приду через два дня, днем.

– Погоди, мы так не договаривались.

– Ну я же обещала... А ты хотел про Лючию рассказать.

Я – хотел. Интересная мысль... Не вдаваясь в детали, рассказываю о встрече с Титом. Лира тихонько плачет. Пытаюсь утешить.

– Как ты не понимаешь! Она свою жизнь за меня отдала. Если бы не она, от меня сейчас и дыма бы не осталось.

– ...учись различать друзей и врагов.

– Я знаю, кто враги.

– А кто меня цепью по носу? Знаешь, как больно!

– Ты прав. Извини.

– О врагах ты должна знать больше, чем о самой себе. Никогда не верь им больше, чем наполовину. Учись думать, как они, учись думать за них. Перед тем, как что-то сделать, подумай, что сделают они в ответ. И переиграй их в их игре. Обмани хитрого, вероломно напади на вероломного, устрой засаду на любителя ловушек. Побей противника его любимым оружием, и он будет тебя бояться. А это даст возможность блефовать в трудную минуту. Хуже всего тебе будет с честными людьми. А таких тоже будет много. Старайся перетянуть их на свою сторону. Но особенно не увлекайся, голова на плечах одна. Никогда не бросай в беде своих людей. Пусть погибнут двое, спасая одного, зато остальные пойдут за тобой в пекло. Для связи с церкачами не используй одного человека больше одного раза. И пусть церкачи знают, что этот человек – случайный, работает за деньги. Пусть думает,

что половину получил от тебя, а вторую получит от них. Не заплатят они, при случае возместишь ты. Лишний повод для уважения к тебе и ненависти к ним. Опасайся помещений с одним выходом. Входя в дом, думай, куда бежать, если там засада. Войдя – осмотришься, кто из людей тебе незнаком, кто из незнакомых может быть шпионом церкачей. Кстати, кто тебя научил так метать ножик?

– Папа.

– А читать?

– Ти... Но ведь тебе можно сказать?

– Мне можно. Но помни: и у стен могут быть уши.

До чего свежо звучат в этом мире избитые истины.

– Тит тоже так говорил. Ничего из меня не получится. Не в коня корм.

Съел, пернатый? Нашел свежую истину...

– Все у тебя получится. Признавать ошибки ты уже научилась, теперь учишься их не делать. Кстати, поучись у Тита заговаривать зубы. Очень полезное искусство. Надо бы научить тебя гримироваться под стариков, старух, мальчишек, менять голос, но в этом я не разбираюсь.

– Ты говорил: «Опасайся помещений с одним выходом». А куда ведет ход из кладовки?

– Какой ход?

– Ну, из самой маленькой. Где два шкафа стояли.

Идем смотреть ход. Разумеется, в дверь я не пролезаю. А если боком? Одно крыло сверху, другое снизу... Ага, а назад

как? Нет, лучше не рисковать. Пытаюсь заглянуть в дальнюю дверь, но вижу только кусок коридора.

– Ты ходила туда?

– Только до поворота. Дальше совсем темно.

– Я там смогу развернуться?

– Не-а.

Готовим научную экспедицию. Факел, запасной факел, веревка, топор, ножик. Конец веревки привязываем к ручке двери. Оказывается, Лира знает, что такое нить Ариадны. Через полчаса выясняется поразительная новость: за чуланом есть еще зал. Из него ведут несколько проходов, все – моих габаритов. Осмотр задней стенки чулана с факелом подтверждает: только слепой мог не заметить, что часть каменной стены отличается по цвету и фактуре. Такое впечатление, что кто-то залил проход камнем как бетоном. Потом слегка подровнял с моей стороны.

– Дракоша, а если ты посильней ударишь, может она рухнет?

– В вашем предложении, леди, есть разумная мысль.

Лечу вниз, под скалу, выбираю камешек центнера на три и возвращаюсь.

– Лира, отойди в мастерскую. Сейчас здесь станет опасно.

Встаю на задние лапы, поудобнее устраиваю в когтях булыжник, разбегаюсь и с криком: «От винта!» запускаю камень в стену. Булыжник разлетается вдребезги. Осматриваем, ощупываем и обнюхиваем маленькую выбоинку в стене.

Ли́ра утверждае́т, что я взял не тот камень. Надо брать твердый, а не засохшее г... Я ничего не возражаю по существу вопроса, но замечаю, что ле́ди не должна пользоваться подобной терминологией. Следующий камень летим выбирать вместе. Наверх доставляю сначала Ли́ру, потом булыжник. Теперь это кусок базальта в полтонны весом. На стене появляется вторая выбоинка, чуть побольше первой.

Третьего камня хватает на два удара. Пятый роняю вниз при неудачном заходе на посадку. После десятого устраиваем перерыв на уборку помещения – отгребаем осколки к стенам. После двадцатого я сбиваюсь со счета. Ли́ра утверждает, что звук ударов изменился. Конечно, изменился. Раньше эхо гудело, а теперь весь пол щебенкой засыпан. Через три часа заявляю, что шахтерам полагается укороченный рабочий день и молоко за вредность. Сажусь у стенки и рассказываю, что такое вредное производство, трудовой стаж, профсоюзы, зарплата, дублионы и доллары, дирхемы и дукаты, пиастры и лиры.

– Значит, ли́ра – это такая маленькая золотая монетка?

– С чего ты взяла, что золотая?

– Ты сам мне вчера говорил: «Не плачь, моя золотая».

– Рыжая ты, а не золотая. Ну, ладно, пусть будет – золотая.

А еще есть такой музыкальный инструмент – ли́ра.

– Какая она?

Описываю в воздухе две волнистые линии. То ли гавайская гитара, то ли женский силуэт.

– Тебе бы только поиздеваться! – получаю кулаком в бок.

– На самом деле такая! – рисую в пыли контуры лиры. –

А вот здесь струны натянуты.

Лира внимательно изучает рисунок.

– И на самом деле такая, – повторяет мой жест. А не обманываешь?

– Конечно обманываю. Она вдвое больше.

– Лира, ну дай поспать усталому труженику.

Не помогает.

– Последний раз предупреждаю: дай поспать, или будет как вчера.

– А что было вчера?

– Забыла? Через час напомню. Если поспать дашь.

Не может быть! Неужто подействовало?.. Слышу грохот переворачиваемой мебели, какое-то шуршание. Открываю правый глаз. Лира перевернула стол, загрузила щебнем и волокет на балкон. Встаю, потягиваюсь и иду за ней. На балконе собачий холод. Мышцы спины ноют. Потянул, долбя стенку.

– Встал, соня. Говори, что было вчера?

– Ну, вчера ты не дала мне поспать.

Лира поражена и возмущена таким коварством. Гордо поднимаю хвост и удаляюсь, довольный.

– Коша, нам надо пораньше позавтракать. Мне сегодня в деревню.

Коша – это я. Сокращение от «Дракоша». Завтракаем, отвожу ее на условленное место и продолжаю долбить стенку. В двух местах углубился уже сантиметров на тридцать. Дело пошло быстрее – в монолите появились трещины. Спыхватываюсь, что пора лететь за Лирой.

Опускаюсь на прогалину. Лиры нигде не видно. Сам виноват, опоздал почти на час. Желтенькие цветочки, не знаю, как называются, уже закрылись.

– Коша, я тут.

Оглядываюсь. Лира слезает с дерева. Опять что-то случилось. По физиономии видно.

– Коша, вчера в деревне церкачи были. Много. Обо мне спрашивали. Всех собрали, по одному уводили в избу и там спрашивали. Все, что про меня говорили, записывали. Говорить между собой запретили, кто говорил, плеткой били. У нас дома все вверх дном перерыли, всю мою одежду и старые игрушки забрали. Кто-то слух пустил, что Лючия потерялась, и я за ней к Замку ходила. У Сэма Гавнюка Лючину шкуру отобрали. Потом к болоту пошли, там Лючинин череп забрали и какое-то дерево спилили.

– Кого-нибудь убили?

– Нет, только плеткой били. А когда уходили, из леса кто-то в них камнями кидал. Они из арбалетов в лес стрелять стали, но ни в кого не попали.

– Ты с Титом говорила?

– Нет, у него дома пол деревни собралось.

– Лючия на самом деле терялась?

– Ты что, она откуда хочешь дорогу домой знала. Мы ей даже ноги никогда не спутывали. Тит на покосе воз нагрузит, скажет ей: «Домой», и она сама везет. А я дома разгружаю.

Неожиданно из леса появляется странное создание. Широкий, как у быка, лоб, короткие, толстые ноги, мощная грудная клетка – таких лошадей я еще не видел. Если заменить хвост и приделать рога, любой скажет, что это бык. Создание идет по следу как ищейка. Поднимает голову, осматривается и двигается прямо на меня. Инстинктивно напрягаю мышцы. Лира оглядывается.

– Бычок, ты зачем сюда пришел?

Расслабляюсь. Существо, заслышав знакомый голос, переходит на легкую рысь и утыкается носом в Лирину ладошку. Не такой уж он и маленький, этот Бычок. В холке сантиметров на пятнадцать выше Лючии. Но очень непропорционально сложен. Как бульдог по сравнению с овчаркой. Странно все-таки, почему меня никто не боится?

– Бычок, иди домой, – терпеливо внушает Лира.

Бычок готов на все что угодно, только не это. Лира вскакивает на него и неторопливой рысцой дважды объезжает вокруг меня. Неохотно слезает.

– Домой, Бычок, домой, – поворачивает коня в нужном направлении и шлепает ладошкой.

– Полетели скорей, а то он никогда не уйдет.

– Это и есть тот знаменитый жеребчик рыцарских кровей?

– Не надо смеяться. Он некрасивый, зато умный и сильный как мамонт.

Чуть не забываю, что надо махать крыльями. Точнее, забываю, но вовремя спохватываюсь. Теряем где-то метров пятнадцать высоты.

– Откуда ты знаешь о мамонтах?

– Папа возил в Литмунд смотреть.

– На чучело? – во мне еще теплится какая-то надежда.

– Почему – чучело? Они живые. Только едят очень много. Крестьянам не прокормить.

Ну и что? Ничего удивительного. Подумаешь, мамонт. Тут каждая собака видела живых мамонтов. Подойдет, посмотрит – мамонт. Ножку на него поднимет и дальше идет. Пещерные люди на них каждый день охотились, вот! Вымерли, правда. Как мамонты. В том мире, который помню, мамонты вымерли. От сырости. Тундростепь превратилась в тундру. Вроде бы, Гольфстрим виноват. Не туда потек. Значит, здесь, в этом мире, течет куда полагается. Куда, интересно?

– Вот тебе практическое задание: ты должна мне рассказать, что думают церкачи насчет тебя. И оценить, хорошо это для нас, или плохо.

– Они думают, что ты меня съел. И Лючию. Для меня это хорошо, а для тебя плохо. Если дракон будет людей есть, на него будут охотиться. Тогда и мне плохо будет. Я правильно

все рассказала?

– Совсем неправильно. Мелко думаешь. А вот Тит в глупину смотрит. Угадай с трех раз, кто слух пустил, что ты к Замку ходила?

– Тит? Не может быть! Он же... Говори, зачем?

Вопрос в лоб.

– Подумай, почему я никого не трогал, а вас с Люцией загрыз?

– Потому что мы к Замку ходили? Значит, они будут думать, что к Замку ходить нельзя? Но ведь они всегда так говорили.

– Правильно. Говорили. Чтоб кто-нибудь случайно в Замке знаний не нахватался. Но сами в это никогда не верили. А теперь вдруг появился дракон, который никого к Замку не подпускает. Ни людей, ни зверей. А тех, кто ходил к Замку, разыскивает и убивает. Странно, непонятно, но их планы этот дракон никоим образом не нарушает. А где-то, как-то даже способствует... Скоро о том, что ты на Люции ездила колдовать к Замку, в каждой церкви говорить будут.

Лири по моей методике заново перебирает и переосмысливает все факты. Я – тоже. Вроде, нигде проколов нет. Крепкая легенда. Странная, страшная, непонятная, но с внутренней логикой. Ай да Тит.

– А зачем они дерево спилили?

– Какое? У болота? На нем следы моих когтей.

– Получается, теперь сюда ни один церкач не сунется, и

это все из-за слуха, который Тит пустил. Несколько слов, и все церкачи будут делать то, что нам надо? Значит, церкачами можно как лошадью управлять?..

– Ну, не все так просто. Тит еще Лючинину шкуру догадался изрезать. Я на болоте об этом не подумал. Но главное ты поняла правильно.

Лира поражена и восхищена. Так и ходит до вечера, восхищенно пришибленная.

В стене появляется дыра. Еще два полета за камнями, и в дыру уже проходит моя голова. Или Лира. Зажигаем факел и Лира освещает зал. Дворец! Каменные стены закрыты декоративными панелями, потолок в темных и светлых квадратах. Светильники, наверно. Мебели нет. Осматриваю перегородку. Если с моей стороны кто-то сделал ее гладкой, то та сторона не обработана вовсе. Просто навалили крупных камней и расплавили до консистенции густой сметаны. Сделано простенько и надежно. Снизу толщина стены метра три, во всю длину прохода, сверху – полтора. Хорошо, что я не знал этого четыре дня назад. Однако, температура плавления гранита – градусов девятьсот. Базальта – еще сотни на три-четыре выше. В закрытом помещении устраивать такое пекло – зачем? Намного проще залить бетоном. Или врезать железные ворота. Видимо, мне проще, а им все равно. Они же – Повелители. А проход через кладовку вообще не закрыт. Ничего не понимаю.

Пока Лира осматривает зал, делаю несколько рейсов за булыжниками. К обеду уже могу пролезть в дыру. Или не могу? Буду теперь неделю изображать Винни-Пуха в гостях у Кролика. Пока не похудею. Нет, все-таки пролез. На стене зала, в метре от пола – вещь, которая может быть только одним. выключателем света. Осторожно нажимаю. Потом щелкаю несколько раз. Чудес не бывает, свет не загорается. Объясняю Лире, что это такое, и почему я такой огорченный. Она бежит вокруг зала и щелкает остальными выключателями. Оказывается, рядом с каждым проходом свой выключатель. Это логично. И все не работают. Это тоже логично. За тысячу лет батарейки сели и фонарики не работают. Мораль: уходя гасите свет.

– Коша, смотри, что я нашла! План Замка!

И тут ее факел гаснет. Если я еще что-то различаю, то Лира не видит ничего. Отрываю от стены лист пластика с планом и веду Лиру к дыре. Здесь светлее, но читать невозможно. Лира забирает себе план и бежит на балкон. Протискиваюсь в дыру. Сажусь за Лирой и через ее плечо изучаю находку. План выполнен в изометрической проекции, чрезвычайно наглядно и понятно. Не было никакой гранитной лестницы с мраморными статуями. Не было каменных львов. А была банальная шахта грузового лифта. 10 на 25 метров. Если это лифт для драконов, то я ростом не вышел. И вела шахта не вниз, а вверх, на вершину скалы. Ну да, повелители же с неба спустились, на драконах летали. Вот круглый зал,

чулан, мастерская, прихожая. Этот длинный зал стал балконом, а под ним и над ним – еще несколько помещений, соединенных шахтой лифта. После того, как раскололась гора, от этих помещений ничего не осталось. Зато осталась вся часть замка справа от круглого зала. Помещения не такие внушительные, как длинный зал, но по суммарному объему превосходят мои апартаменты раз в тридцать. Повелители любили жить на широкую ногу. Сумею ли я когда-нибудь расшифровать эти надписи? Хотя, почему – нет? Вот это – бассейн. И ежику понятно. Одну расшифровал. Узнать бы, как звучало это слово.

– Коша, а что такое – ангар? – Лира тычет пальцем в длинный зал.

– Такое большое помещение для хранения крупной техники. А с чего ты взяла, что это ангар?

– Так вот же здесь написано.

Чего-то я не понимаю, только чего?

– Лира, ты умеешь читать по-повелительски?

Теперь чего-то не понимает Лира.

– Ту... тут по-нашему написано. Вот смотри: ан-гар. Коша, а ты вправду читать не умеешь?

– Я думал, что умею. Хорошо читаю на двух языках и со скрипом еще на трех. Но такие буквы в первый раз вижу.

Непонимание достигло апогея. Лира утверждает, что буквы во всем мире одинаковые. Языки разные, а буквы – они и в Африке буквы. Кстати, что такое Африка, Лира не знает.

Но так Тит говорит. Рисую на полу греческий алфавит, латинский, кириллицу. В ответ Ли́ра рисует свой. Ничего общего. Несколько случайных совпадений по написанию, но звучат по-разному. В Лирином алфавите тридцать две буквы. Каждая имеет модификатор, который изменяет произношение. Типа с – ц. Прихожу к выводу, что это алфавит Повелителей. Ладно, завтра в школу, а сегодня пусть Ли́ра работает переводчиком. Тыкаю пальцем в название зала, а Ли́ра читает. Итак, мы лишились энергоцентрали, ангара, трех гаражей различного назначения, транспортного вокзала (это в центре скалы!), ремонтного зала и каких-то помещений, связанных с системой жизнеобеспечения. В общем, силовое хозяйство и громыхающая техника. Зато имеем спортивный комплекс, учебный комплекс, жилую зону, информационную централь (?), аналитический центр (?), склады, инженерную базу (?) и малую энергоцентраль.

Спрашивается: где жили драконы?

Меня охватывает лихорадочное возбуждение. Лечу вниз за очередным булыжником, обкалываю острые края дыры, снова лечу вниз, на этот раз за факелами. Ли́ра уже наготове. Факелов надолго не хватит. Пролезаем в дыру и, сверяясь с планом, несемся к складам. Огромные темные помещения, наполовину заполненные многоярусные стеллажи. Инженерная база. Станки, испытательные стенды, мостовые краны, пульта управления, экраны компьютеров. Подбираю для себя ломик – стальную болванку трехметровой длины,

сантиметров пятнадцать диаметром. Теперь – малая энерго-центральный. Вот пультовая.

– Коша, тут кто-то живет...

– Здесь не живут. Отсюда управляли электростанцией.

– Смотри, здесь пыли нет.

На самом деле нет. В коридоре есть, везде есть, а тут нет.

– Наверно, дверь была герметично закрыта.

Изучаю пульт управления. Особенно изучать нечего.

Штук двадцать переключателей и пять компьютерных мониторов с клавиатурами. На экранах слой пыли. Интересно, на полу нет, а на экранах есть. Нажимаю наугад несколько клавиш. Некоторые западают, одна отваливается. В остальном – никакой реакции.

– А-а-а!!! Там!!! – крик резанул по ушам, заметался гулким эхом по помещению. От неожиданности подпрыгиваю, чешуя на спине встает дыбом. Лира, бледная как смерть, указывает на стену. Часть стены со скрипом отъезжает в сторону, открывая проход. Потом в механизме что-то заедает, дверь перекашивается и с грохотом падает на пол. Поднимаю для удара свой ломик. За дверью блестит объективами маленький, толстенький кибер.

– Лира, не двигайся, это кибер.

Кибер наклонил голову, просканировал упавшую дверь, объехал и направился к Лире. Поудобнее перехватываю ломик и передвигаюсь вправо, чтоб удобней было бить. Кибер остановился в двух метрах от Лире и захрипел. Замолчал,

снова захрипел. Лира замерла в неудобной позе. Вокруг нее расползается по полу темная лужица. Проходят длинные секунды. Полная тишина, только факел потрескивает. Наконец, кибер разворачивается и едет к пульту. На всякий случай отхожу подальше. Осматриваю пол. Там, где я стоял, сухо. Кибер выдвинул из корпуса манипуляторы и занялся клавиатурой, которую я трогал.

– Лира, идем отсюда. Это кибер-ремонтник. Пусть все здесь починит, а бояться его не надо.

Прозвучало как-то неубедительно. «Ты не бойся, это гусь. Я сама его боюсь!»

– Коша, но тогда получается, что он живой.

– Нет. Его Повелители сделали.

– Тогда почему он ведет себя как живой?

– Так ему Повелители приказали. Чинить то, что сломалось. Я сломал клавиатуру, он приехал ее чинить.

– А чего он ко мне пристал?

– Ждал, что еще ты прикажешь сделать.

– Вот и я об этом. Ты говоришь, он как телега. Телега не ждет, когда ей прикажут. Часы тоже не ждут. Они или ходят, или не ходят. Им хоть приказывай, хоть не приказывай, а они все равно ходят.

Ну и задача! Объяснить девчонке теорию программирования, механику, электродинамику, оптику, еще черт знает что – и только для того, чтоб убедить, что кибер неживой.

Что он неопасный, объяснить оказалось легко. Телега может отдавить ногу, но никто ее опасной не считает. Тему вооруженных роботов-охранников я решил пока не затрагивать. К черту! Она баба, а у всех баб мозги не в ту сторону повернуты. Из этого буду исходить.

– Если на часы прикрикнуть, они испугаются?

– Нет.

– Когда ты его увидела, испугалась?

– Сам знаешь, мог бы не напоминать.

– Ну так испугалась, или нет?

– До смерти.

– И я испугался. А кибер испугался?

– Н-нет.

Подействовало! Нет, ну надо же, а я гордился, что научил ее логически мыслить. Вся моя лекция коту под хвост, а как до эмоций дошло, сразу подействовало. О темпора, о морис. Правильно говорят, что мужики думают головой, а бабы сердцем. Что люди, что драконы.

Взваливаю на плечо ломик и иду долбить перегородку. С грустью замечаю, что мои апартаменты за четыре дня превратились в хлев. Везде пыль, под ногами песок и щебенка, в чулане тонны камней. Зато ломик – загляденье. Весит килограммов 300, что ни удар, то отбитый кусок. Таким я бы за день всю работу сделал.

– Ну причем здесь «солнце встало»? Там холодно...

– Коша, вставай, у нас дел много. Тебе надо азбуку учить. Скажи мне, все драконы такие сони, или только ты?

Вот неумное существо! Потягиваюсь и иду на балкон. Подхожу к краю, отталкиваюсь и лечу вниз. Через секунду с хлопком раскрываю крылья. Из пике выхожу в последний момент, метрах в трех над землей. На бреющем иду над речкой, резко торможу над омутом, складываю крылья и с пяти метров плюхаюсь в воду. Хо-ол-лодно! Выныриваю как пингвишка и взлетаю с воды. Теперь – скоростной подъем на тысячу метров. Все, зарядка окончена, от меня валит пар, язык можно два раза вокруг шеи обернуть на манер шарфика. Широкими кругами планирую вниз. После завтрака Лира будет обучать меня местному алфавиту, потом запланирована вторая научная экспедиция на энергоцентральный и склады. Хорошо бы найти фонарики и грузовую тележку. И швабру. И потом, у меня обширные планы насчет киберов и энергоцентралей. Знать бы только, какого века эти киберы. То есть, на что у них интеллекта хватит.

В помещении энергоцентрали горит свет. Два кибера навешивают отвалившуюся вчера дверь, третий чинит четвертого. Две клавиатуры на пульте сияют чистотой, три лежат на полу кучкой деталей, разобранные до винтика. Экраны по-прежнему не видны под слоем пыли. Лира вся напрягается, подходит к одному из киберов и осторожно гладит по головке. Кибер разворачивается и хрипит:

– Жду указаний.

Лира отскакивает на метр, потом поворачивается ко мне.

– Коша, что ему ответить?

– Скажи, чтоб проверил акустическую систему. У себя и всех остальных.

– Проверь акустическую систему у себя и у всех остальных.

– Понял, выполняю, – ответил кибер.

– Коша, а что такое – акустическая система?

– Говорилка и два уха.

И тут кибер начинает проверять свою систему. Свист, визг, гудение, кошачий концерт одним словом. Но это цветочки. Глупый механизм решил, что аварийная сирена тоже относится к акустической системе. Лира прижимается ко мне и закутывает голову в перепонку крыла. Ложусь на брюхо, затыкаю уши лапами. Кончилось... Открываю глаза. Кибер стоит перед Лирой.

– Тебе чего?

– Докладываю. Проверка закончена. Система нормально функционирует на первом и третьем агрегате. На втором, четвертом и пульте возможен только прием речевых команд. Система аварийного предупреждения работает на всех агрегатах и пульте.

Лира слушает эту белиберду и хлопает глазами. Пора брать командование в свои руки.

– Отремонтируй акустическую систему у всех агрегатов.

Об исполнении доложи.

Кибер поворачивается ко мне, потом объезжает меня, вертя головой и снова застывает перед Лирой. Странно это.

– Доложи, как понял приказ.

– Не могу идентифицировать автора приказа. Не могу приступить к исполнению.

Ах ты, ящик с болтами! Ну, сейчас ты у меня попрыгаешь!

– Поверни голову на 90 градусов вправо. Доложи, что видишь.

– Вижу объект биологического происхождения массой порядка пяти тонн.

– Умница. Этот объект называется дракон. Приказ исходит от него. Исполни.

– Не могу приступить к исполнению. Приказ должен исходить от человека.

– Запомни: дракон – это разновидность человека, адаптированная к агрессивным условиям внешней среды. Исполни приказ.

– Не могу приступить к исполнению. Требуется подтверждение информации человеком.

До Лиры наконец доходит суть происходящего, и она начинает хихикать. Мне совсем не смешно. Ясно, что ремонтные киберы самого низкого класса. Ясно, что за пределами Замка пользы от них не будет мало. Если не заставлю их слушаться, от них и здесь будет мало пользы. Проще всего передать приказ через Лиру, только гордость не позволяет. Ми-

нут пятнадцать экспериментирую. Из-за двери: «Кибер, слушай приказ человека». От чужого имени: «Кибер, передаю тебе приказ человека». Лириным голосом из-за ее спины – ничего не помогает. Слушают, отвечают, но ничего не делают. Лира, рот до ушей, таскается за мной как банный лист и дает советы. Наконец, сдаюсь.

– Лира, ну скажи ты им, чтоб меня слушались.

Вот он, миг ее торжества. Показывает мне язык, забирается с ногами на кресло, встает в позу.

– Киберы, смотрите мне в глаза. Я, леди Тэрибл, повелеваю вам слушаться мастера Дракона беспрекословно, всегда и во всем. Я сказала.

Жидкие аплодисменты. Мои. Некоторое оживление среди киберов. Три вертят головами, четвертый направляется ко мне.

– Не могу исполнить приказ. Нет связи с инженерной базой и диспетчерской склада.

С трудом вспоминаю, о чем идет речь. Ладно, это подождет.

– Слушай мою команду. Запомни мой образ. Передай его остальным киберам вместе с приказом человека. – Позирую перед объективами: Фас, профиль, вид со спины, то же самое с развернутыми крыльями. Кибер объезжает по очереди своих приятелей, совывает какой-то разъем в гнездо на брюшке, докладывает об исполнении.

– Какая последняя информация об инженерной базе у те-

бя есть?

Кибер подъезжает к пульту, втыкает свой разъем и докладывает:

– Инженерная база была переведена в режим глубокой консервации. Последнее сообщение поступило 584 года назад. В нем сообщалось о критическом падении энергии в энергетической сети.

Остальные киберы закончили ремонт двери и выстроились у стенки. Лира с ногами забралась в кресло диспетчера, возбуждена, только на месте не подпрыгивает. Слушает, но не вмешивается.

– Слушай мою команду. Провести полную проверку и ремонт всего оборудования малой энергоцентрали. После проверки расконсервировать малую энергоцентрality. Сколько это займет времени?

– Проверка оборудования с одновременной расконсервацией четырьмя агрегатами займет 8 суток.

– На Инженерной базе есть ремонтные киберы?

– Есть 24 ремонтных агрегата.

– Отремонтировать и доставить их сюда. Подключить к работам по проверке и расконсервации. По окончании работ приступить к полной проверке оборудования и расконсервации инженерной базы, складов, жилой зоны. Приступай.

– Задание понял, выполнить невозможно. В аккумуляторах малой энергоцентрали недостаточно энергии.

Ну до чего обидно! Раскатал губу, друг пернатых. Кажет-

ся, мог бы уже привыкнуть, что чудес не бывает. Впервые почувствовал себя в своей тарелке. Ну почему, почему все так плохо? Подразнили ребенка конфеткой, а потом отняли. Иду в угол, ложусь на пол, накрываю голову крылом. Местных электростанций здесь нет. Есть речка. Горная. Ручеек. $E=M*G*h$. М маленькое, значит h должно быть большое. Надо или делать высокую плотину, или загнать речку в трубу. Трубы нет, на плотину энергии не хватает. Вариант отпадает. Ветряк! Просто сделать, ветер в горах всегда дует. Сначала сделаем один маленький, потом – по потребности. Простенько и со вкусом! Кто сказал, что у ребенка просто конфетку отнять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.